

ОЛЬГА ВОЛКОГОНОВА

**КОНСТАНТИН
ЛЕОНТЬЕВ**

Жизнь замечательных людей

Ольга Волкогонова
Константин Леонтьев

«Волкогонова Ольга Дмитриевна»

2017

Волкогонова О. Д.

Константин Леонтьев / О. Д. Волкогонова — «Волкогонова Ольга Дмитриевна», 2017 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-03651-2

«...Биографические книжки принято начинать с рождения главного героя, рассказа о его родителях, детстве, отрочестве. Мне хотелось отойти от этой традиции и начать свой рассказ о Леонтьеве с его вступления во «взрослую» жизнь, с отъезда на Крымскую войну. Но первоначальный план дал течь: кораблю повествования не хватало парусов, оснастки, компаса, карт – всего того снаряжения, которым снабжают человека именно в детстве, в родном доме. Ведь на формирование леонтьевского характера огромное влияние оказала мать и созданная ею атмосфера в калужском имении Кудиново, где он вырос. Леонтьев мать обожал, но и побаивался: нрав у Феодосии Петровны был крутой и вспыльчивый. Все ее дети – а Константин был последним, седьмым по счету – перед матерью трепетали. Говорят, один из старших сыновей, горячо любимый ею Александр, даже в тифозной горячке по дороге домой в полубреду-полуяви сокрушался, что может огорчить маменьку, посмев заболеть...»

ISBN 978-5-235-03651-2

© Волкогонова О. Д., 2017

© Волкогонова Ольга
Дмитриевна, 2017

Содержание

Глава 1. Мать и сын	5
Глава 2. Университет	18
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Волкогонова

Константин Леонтьев

Глава 1. Мать и сын

В семейной жизни самый важный винт – это любовь.

А. П. Чехов

Биографические книжки принято начинать с рождения главного героя, рассказа о его родителях, детстве, отрочестве. Мне хотелось отойти от этой традиции и начать свой рассказ о Леонтьеве с его вступления во «взрослую» жизнь, с отъезда на Крымскую войну. Но первоначальный план дал течь: кораблю повествования не хватало парусов, оснастки, компаса, карт – всего того снаряжения, которым снабжают человека именно в детстве, в родном доме. Ведь на формирование леонтьевского характера огромное влияние оказала мать и созданная ею атмосфера в калужском имении Кудиново, где он вырос. Леонтьев мать обожал, но и побаивался: нрав у Феодосии Петровны был крутой и вспыльчивый. Все ее дети – а Константин был последним, седьмым по счету – перед матерью трепетали. Говорят, один из старших сыновей, горячо любимый ею Александр, даже в тифозной горячке по дороге домой в полубреду-полуживии сокрушался, что может огорчить маменьку, посмеив заболеть...

Нрав был фамильной чертой. Отец Феодосии Петровны, Петр Матвеевич Карабанов (1765-1820-е), был неистов во всем: плакал от понравившихся стихов, но мог быть свирепым с провинившимися крестьянами, а в семейных отношениях и вовсе слыл самодуром. Однажды он чуть не задушил свою тихую жену, Александру Эпафродитовну, прямо в присутствии их старшей дочери Фенички, будущей матери героя нашего повествования. Позднее внук Константин дал ему такую характеристику: «развратен до преступности, подозрителен до жестокости и жесток до бессмыслия и зверства». В то же время, дед давал внуку поводы и для гордости – Петр Матвеевич был способен на благородные и высокие порывы. «Слуга Государю и Отечеству преданный», он не только принял участие в войне 1812 года, но и обучил, обмундировал и вооружил на свои средства роту ополченцев.

Семейные предания сохранили два показательных случая: когда Петр Матвеевич отстегал знакомого помещика арапником, узнав, что тот специально отдал в военное ополчение негодных ни на что дворовых, а второй – о том, как он замахнулся саблей на губернатора, стоило тому усомниться в правдивости карабановских слов... Гены деда проявились во внуке – не менее преданный слуга Государю и Отечеству, Константин Николаевич через несколько десятков лет, не задумываясь, отхлестал плеткой французского консула за непочтительный отзыв о России и о нем самом как русском человеке...

Неистовый Петр Матвеевич женился 24 лет от роду на дочке костромского помещика Александре Эпафродитовне Станкевич, Сашеньке. Она была хороша собою, обладала характером незлобивым и тихим, умом не отличалась, необузданности мужа побаивалась, а он на ней не раз свой гнев и срывал, – мог и поколотить. Бог дал чете Карабановых четверых деток – трех дочек и сына Владимира, дослужившегося до генерала и нажившего солидное состояние. Семья жила в Смоленской губернии, где Петру Матвеевичу принадлежало два имения.

Старшая дочь, Феодосия Петровна (1794-1871), получилась похожа на отца – и внешне, и характером: была умна, горда, вспыльчива и любила настоять на своем. Видя незаурядные способности девочки, родственники и знакомые с трудом уговорили Петра Матвеевича отдать дочь учиться в Екатерининский институт благородных девиц. Хотя две младшие дочери Петра Матвеевича уже учились в институте, а брат был помещен в Горный корпус, Феничку, которая

была любимицей жены, он отдавать в учение отказывался: чтобы досадить жене, да и из-за упрямства.

В Екатерининский институт принимали детей небогатых дворян (девушек из более обеспеченных или знатных семей посылали в Смольный институт). Сироты учились за государственный счет, за остальных же платили родители или «покровители». Такая «покровительница» была и у Фенички – Анна Михайловна Хитрово, урожденная княжна Кутузова-Смоленская, дочь замечательного русского полководца М. И. Голенищева-Кутузова и фрейлина Их Императорских Высочеств. Мужем Анны Михайловны был генерал-майор Николай Захарович Хитрово, оставшийся в истории Москвы: он был славен тем, что через 12 лет после пожара 1812 года выкупил у московских погорельцев земли, расчистил их и подарил городу. Место это стало называться Хитровской площадью, на которой расположился знаменитый московский рынок Хитровка.

Знакомство Карабановых с Хитрово, произошло, видимо, сразу после войны с Францией, – Петр Матвеевич был назначен командиром небольшого отряда подвижной милиции и, после заключения мира, получил приказание привести свой отряд в Петербург, где пути Карабановых и Хитрово пересеклись. Именно Анна Михайловна содействовала принятию Фенички в институт, куда девочка мечтала попасть вслед за сестрами. Петр Матвеевич вовсе не был беден, но считал затею с Екатерининским институтом ненужной выдумкой, потому Хитрово сделала так, что отец до самого выпуска Фенички из института думал, что дочь обучается там за казенный счет, – так поводов для возражений против отсылки Фенички в Петербург у Петра Матвеевича не осталось. На самом же деле, за Феничку тайком платила Хитрово.

Феничка провела в институте пять лет – видимо, лучших в своей жизни. Надо сказать, что со временем между «благодетельницей» – молодой, доброй, немного легкомысленной дамой, болтуней и разносчицей светских сплетен¹ – и серьезной, обладавшей тяжелым характером Леонтьевой завязалась настоящая дружба, которая продлилась вплоть до смерти Анны Михайловны. Леонтьева не раз навещала Анну Михайловну и в Москве, и на ее петербургской квартире, и в калужском имении. Приезжал вместе с матерью и Константин, причем на него особое впечатление производили аристократические манеры и изящество Анны Михайловны, отличавшие ее даже в преклонном возрасте.

Покровительствовала институту императрица Мария Федоровна, супруга Павла I, которую Феничка боготворила всю свою жизнь. Императрица считала, что девочек надо воспитывать так, чтобы из них выходили хорошие матери семейств, поэтому теоретическими познаниями девичьи головки не перегружали. Институтки учили закон Божий, светский этикет, занимались танцами и рукоделием, впрочем, присутствовали в программе и математика с историей. Полученного институтками образования было достаточно для того, чтобы стать гувернанткой или домашней учительницей, если мечты о замужестве не сбывались.

В новом трехэтажном здании, построенном по проекту архитектора Джакомо Кваренги на набережной Фонтанки, вновь прибывших девочек экзаменовали. Для поступления требовалось знание французского и русского языков, основных молитв, умение переписывать тексты из книг на французском языке, складывать и вычитать в пределах ста. Феничка выдержала экзамен с блеском. Ее подстригли «в кружок», «бельевая дама» сняла с нее мерку для пошива форменного зеленого камлотового платья с фартуком и пелериной, и потекла ее институтская жизнь.

¹ Сохранились свидетельства, что болтливость А. М. Хитрово сыграла негативную роль в жизни Лермонтова: именно Анна Михайловна рассказала графу А. Х. Бенкендорфу о стихах «молодого гусара», «составляющих оскорбление всей русской аристократии». Речь шла о стихотворении «Смерть поэта», посвященного гибели Пушкина и содержащего строки: «А вы, надменные потомки //Известной подлостью прославленных отцов...» Как известно, дело закончилось ссылкой Лермонтова на Кавказ.

Порядки в Институте напоминали армейские: подъем в 6 утра, обливание холодной водой до пояса, молитва, утренний чай с сухарями, уроки, обед, прогулка, уроки, ужин, приготовление заданий, молитва, сон... Но Феничка быстро привыкла к новому месту, да и подружки появились – самой любимой стала княжна Прасковья Прозоровская, чья кровать стояла в дортуаре рядом. Училась Карабанова очень хорошо, – на ее фартуке постоянно красовались банты-кокарды, которые давались успешным ученицам, танцевала еще лучше, да и на обязательных уроках гимнастики получала похвалы. Со временем она даже стала «метрессой» – так называли отличниц, натаскивающих по поручению классной дамы отстающих учениц («мовешек»).

Феничка (которую в Институте стали величать Фанни) мечтала остаться здесь, в Институте, навсегда – она была согласна стать скромной «пепиньеркой»², а со временем, возможно, классной дамой... Но в последний год обучения появилась надежда и на блестящую светскую жизнь: во время своих визитов в Институт вдовствующая императрица Мария Федоровна выделила Фанни из других воспитанниц, обласкала ее. Зашла речь о том, что великая княжна Анна Павловна сделает Фанни своей фрейлиной. На виду, при дворе, красивая и умная девушка могла бы сделать выгодную партию. Но ни мечтам о светской жизни, ни более скромным надеждам стать классной дамой в Екатерининском Институте сбыться было не суждено, – Петр Матвеевич потребовал, чтобы дочь возвращалась домой.

Поплакав, в феврале 1811 года 17-летняя Фанни отправилась из Петербурга в смоленское имение Спасское. Она застала дома те же дикие сцены и слезы матери, но за неистовством отца повзрослевшая дочь впервые смогла разглядеть благородную и гордую душу. Легче от этого Фанни не стало: атмосфера дома ее угнетала, она пыталась защищать мать, которая стала казаться ей лицемерной и ограниченной, и даже спорила с отцом (хотя, как признавалась сама позже, «так под жилками и тряслось»). Спустя годы Феодосия Петровна описывала себя в то время как угрюмую и самолюбивую девицу, тосковавшую по оставленной петербургской жизни. Но когда в соседнем имении решили устроить бал, девушка приняла приглашение с радостью.

Бал удался: в залах было много людей, ярко горели свечи, местные красавицы демонстрировали наряды, играла музыка. Среди толпы гостей Фанни выделила голубоглазого стройного красавца с вьющимися волосами, отлично танцевавшего, грациозного, с прекрасными манерами. Он покорила ее, когда по просьбе собравшихся спел, аккомпанируя себе сначала на фортепьяно, а затем – на гитаре. Красавец тоже обратил внимание на девушку: он приглашал ее на один танец за другим. Во время мазурки Фанни поняла, что влюбилась. Хотя она только что узнала имя молодого человека – Петр Борисович Леонтьев, ей казалось, что они были «век знакомы».

Фанни попросили сплясать «русскую». Сердце девушки зашлось от волнения – все смотрели на нее в ожидании, но, когда музыканты заиграли по ее указанию «По улице, по мостовой», бывшая институтка не ударила в грязь лицом: собравшиеся гости были в восторге и упростили ее станцевать еще раз. Но и после второго раза многие гости кричали: «бис!». Запыхавшаяся Фанни не знала, как быть. Танцевать в третий раз? Тут брат понравившегося красавца, Николай Леонтьев, с обожанием глядя на раскрасневшуюся девушку, сказал полусерьезно:

– Еще третий раз, и я застрелюсь!

«Третий раз мы не сплясали, и, на беду мою, он не застрелился», – напишет постаревшая Феодосия Петровна. Беда же ее заключалась в том, что Николай Леонтьев посватался к ней

² Пепиньерками называли окончивших курс девушек, оставленных в институте для помощи классным дамам. У И. А. Гончарова есть шутовское эссе 1842 года о пепиньерках: «пепиньерка есть девица – и не может быть не девицей, так точно и не девица не может быть пепиньеркой. Это неопровержимая истина... Костюм пепиньерки прост. Белая пелерина, белые рукава и платье серого цвета. Может быть, есть на свете пепиньерки и других цветов, но я их и знать не хочу».

и в конце этого же года получил одобрение Петра Матвеевича: тот был согласен отдать свою гордую и своевольную дочь за Николая.

В феврале 1812 года состоялась свадьба. Николай Борисович Леонтьев (1784 – 1839) был на 10 лет старше жены. Молодой муж обладал приятными чертами лица, был искренне влюблен, – отвращения у Фанни он не вызывал, хотя она была разочарована: Николай проигрывал брату в ее глазах, да и чин у него был маленький – всего-навсего отставной унтер-офицер (прапорщик), уволенный из гвардии по Высочайшему повелению «за неприличные его званию поступки». И по-французски Николай говорил с ошибками, и книжек читать не любил, да и ленив был. . . Позднее, в своем автобиографическом романе обожавший мать Константин Николаевич описал похожую ситуацию в жизни некой Евгении Никитишны, любившей одного брата, но вышедшей замуж за другого, Дмитрия Егорыча: «ей. . . не было возможности перенести вдруг все чувства на жениха. Но не нравится, как муж, Дмитрий Егорыч, при своей красоте и тогдашней любезности, едва ли мог. И она скоро страстно привязалась к нему»³.

Фанни больше узнала о своей новой семье. Леонтьевы оказались не менее древней фамилией, чем Карабановы, но увы, к 18 столетию некогда славный род стал мельчать и вырождаться, хотя еще прадед Константина Николаевича, Иван Петрович Леонтьев, дослужился до генерал-поручика. От брака с Александрой Ивановной, урожденной Толстой, у него было пятеро сыновей. Все сыновья стали военными, кроме одного – Бориса Ивановича, деда нашего героя, дослужившегося до коллежского советника (что соответствовало чину полковника в армии) и порадевшего во славу отечества, хотя его послужной список выглядит довольно пестрым – то он отвечал за народные школы в Калужской губернии, то был советником в губернском управлении, то стал судьей Совестного суда. Три его сына – Сергей, Петр и Николай – приняли участие в Отечественной войне 1812 года. Ведь через несколько месяцев после свадьбы беременная Феодосия Петровна проводила молодого мужа на войну против «врага всемирного» – так тогда называли Наполеона.

Муж Фанни записался в калужское ополчение, в казачий полк. Учитывая предыдущую службу в лейб-гвардии, его сделали батальонным адъютантом. Эти обязанности Николай Борисович исполнял вплоть до июня 1814 года, когда вышел Манифест о роспуске ополчения. Наград он, в отличие от двух своих братьев⁴, не заслужил, но долг выполнил честно. Во время войны у Леонтьевых родился старший сын. Феодосия Петровна оставалась с родными мужа в Ростове, Николай же вместе с ополчением ко времени рождения первенца был на Прусской границе, но выпросил отпуск и приехал в Ростов ко времени родов, – волновался за любимую Фанни.

Выйдя в отставку, Николай Борисович несколько месяцев провел в фамильном имении, а зимой 1814 года поступил на службу – стал земским исправником Мещовского уезда Калужской губернии. Должность выборная, но желающих ее занять было немного – содержание на ней полагалось небольшое. Молодые жили в Извьялове, в поместье свекра, Бориса Ивановича, что несколько снижало их расходы. Но если у Фанни в девичестве и бывали мечты о богатой жизни, то реальность быстро заставила от них отказаться. Здесь, в Извьялове, у Леонтьевых родились еще дети, вместе с «военным» первенцем их стало пятеро – Петр, Борис, Анна, Владимир и Александр⁵. А в 1820 году, после смерти Бориса Ивановича, разросшаяся семья Леон-

³ К. Н. Леонтьев. Подлипки. // Леонтьев К. Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. – М.: Современник, 1991. С. 72.

⁴ Сергей Борисович участвовал в зарубежных военных походах, в том числе, в сражении под Аустерлицем в 1805 г. и во взятии Парижа в 1814 г., был за храбрость награжден золотой шпагой, вышел в отставку в 1816 г. полковником. Петр Борисович, кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 3-й степени, был награжден медалями, дослужился до подполковника, участвовал во многих зарубежных походах в Пруссии, Саксонии, Франции и даже скончался не в домашнем кресле, а в одном из таких походов в 1831 г., когда его полк выступил для усмирения польских бунтовщиков.

⁵ Первый биограф Леонтьева, А. М. Коноплянцев, предлагал другую последовательность рождения братьев и сестер Леонтьевых: Петр (р.1813), Анна (р.1815), Владимир (р.1818), Александр (р.1819), Борис (?), Александра (1822), Константин (р.

тьевых перебралась в имение Кудиново, доставшееся Николаю по завещанию отца, – неподалеку, в том же Мещовском уезде.

Деревянный просторный господский дом, к которому вела липовая аллея, два заросших кувшинками пруда, разделенных плотиной, большой сад на 12 десятинах, речка Выгорка с серебряной плотвой... Крепостных было немного, земли обрабатывались по старинке, доходов имение приносило мало. «Выросшая на восьмистах дедовских душах, мать вышла по воле родителей, – без всякой любви к жениху, и, почти не зная его, стала жить замужней женщиной и воспитывать детей на *семидесяти* душах запущенного мужем и вовсе не доходного Калужского имения»⁶, – писал позднее Константин Николаевич.

Действительно, его отец хозяйствовать не умел и не любил, во всем полагался на вороватого приказчика, разговоры о том, «сколько копен стало на десятине» заставляли его скучать, а укоры жены лишь портили настроение... Феодосия Петровна была вынуждена заниматься с детьми сама – на гувернеров и учителей денег у Леонтьевых не было. Вот тут-то и пригодились ей институтские тетрадки, полученное образование и строгий характер. Дети учились, трепетали перед матушкой, но и любили ее. Удивительное дело! Даже при недостатке средств повзрослевшей Фанни удалось создать в Кудинове атмосферу «благородного дома» – с книгами, игрой на фортепьяно, французской речью, разговорами о Корнеле и Расине. Феодосия Петровна поддерживала в имении строгий порядок, все комнаты были украшены ее рукой, в гостиной летом всегда стояли цветы, зимой же курились благовония... Растолстевший и облысевший Николай Борисович, никогда особым умом и склонностью к изящному не отличавшийся, все чаще вызвал у Фанни лишь презрение. Дело усугублялось его неспособностью достойно обеспечить семью.

Вскоре после рождения шестого ребенка – дочки Александры в 1822 году – отношения супругов совсем испортились. В результате очередной семейной размолвки Николай Борисович переписал Кудиново на Феодосию Петровну. Леонтьев теперь стал зависим от жены; как написал он сам при внесении своих детей в дворянскую родословную книгу: «имения недвижимого за мною нигде не состоит». От хронического безденежья это мало помогло, – дела были расстроены сильно, быстро положение поправить было нельзя. Дело на этом не закончилось: крутая нравом Феодосия Петровна и вовсе прогнала мужа жить во флигель. В одном из романов Константина Леонтьева одна из героинь тоже прогоняет мужа во флигель – за измену с прачкой. Возможно, что-то похожее произошло и в семье Леонтьевых. Во всяком случае, отселен Николай Борисович во флигель был навсегда, – дети видели его редко, и участия в их воспитании он не принимал.

Помощь пришла неожиданно: от вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Произошло это удивительным образом: через 15 лет после окончания Екатерининского института Феодосия Петровна узнала о приезде императрицы в Калугу. Она тотчас поспешила в губернский город и уведомила о себе императрицу через княгиню Оболенскую. Удивлению скептически настроенных родных не было предела: императрица вспомнила ее и захотела принять! «Я плакала от умиления»⁷, – рассказывала Феодосия Петровна.

Спустя некоторое время Леонтьева получила приглашение на коронацию Николая I, а в Москве императрица назначила ей прием, где лично представила бывшую воспитанницу Николаю. Увидев императрицу, Феодосия Петровна упала на колени, не пожалев белого муслинового платья с пунцовой вышивкой. Государю же она поклонилась в пол... Чувства восхищения и преклонения были искренними, – до конца жизни она боготворила Романовых. Николай I по указанию матери обласкал не только саму Леонтьеву, но и ее сына, пообещав зачислить его

1831).

⁶ Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Федоровне. // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 томах. Т. 6, кн. 1. – СПб.: изд. «Владимир Даль», 2003. С.573.

⁷ Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Федоровне. С. 587.

в Пажеский корпус, – она приехала в Москву вместе со старшим, 13-летним Петром. «Благодетельница» Анна Михайловна Хитрово, помня о бедности подруги, прислала Феодосии Петровне 200 рублей на обмундирование сына. Со временем Петр стал гвардии капитаном, а с 1847 года – надворным советником, директором шпалерной мануфактуры, рассказ же Феодосии Петровны о приглашении ее на коронацию стал частью семейных преданий – об этом случае знали и вспоминали все родные.

Надо сказать, что и следующий сын Феодосии Петровны, Борис, через год был зачислен в Пажеский корпус – безо всяких на то прямых прав (сын изгнанного из гвардии прапорщика и бедного помещика вряд ли имел основания для обучения в таком учебном заведении), но по особой милости императрицы Марии Федоровны. Двое других братьев Константина также были устроены по распоряжению Николая I в военные учебные заведения, а сестру, уже после смерти Марии Федоровны, определили в тот самый Екатерининский институт (пансионеркой ее величества), где училась Феодосия Петровна.

Неудивительно, что портрет Марии Федоровны висел в кабинете матери Леонтьева, причем не в ряд с остальными портретами, а над ними, сверху, на почетном месте. Леонтьев писал позднее: «Я не стану выдумывать и уверять, что я часто размышлял о царской фамилии и любил ее членов вполне сознательно и в те ранние годы мои..., но могу сказать, что монархическим духом веяло... в Кудиновском доме, и чрезвычайно сильная моя любовь к моей в высшей степени изящной и благородной, хотя вовсе не ласковой и не нежной, а, напротив того, суровой и сердитой матери, делала для меня священными тех людей и те предметы, которые любила и чтит она»⁸.

В Кудиново у Феодосии Петровны был свой кабинет – «Эрмитаж», самая изящная и щеголеватая комната в небогатом доме. «...Эта комната казалась мне лучше всех; в ней было нечто таинственное и мало доступное и для прислуги, и для посторонних, и даже для своей семьи»⁹, – вспоминал Леонтьев, описывая этот часто запертый на ключ кабинет. Окна в сад, обтянутые материей стены, цветы в вазах, граненый графинчик с духами, полосатый трехцветный диван в нише, книги... На стенах кабинета портреты – дети, государыня и еще три посторонних человека, которых Феодосия Петровна считала самыми близкими своими друзьями и благодетелями.

На одном портрете был изображен молодой генерал «в латах, орденах» – Иван Сергеевич Леонтьев, двоюродный брат изгнанного во флигель мужа. Он умер 45-летним мужчиной в расцвете сил еще до рождения Константина, но тот с уважением относился к его памяти, помня рассказы Феодосии Петровны о том, как блестящий родственник не раз помогал их семье. Судя по всему, Иван Сергеевич восхищался красотой и умом Фанни, считая, что кузену незаслуженно повезло с женой. В Кудиново стояла подаренная им полупрозрачная белая ваза, которая озаряла комнату таинственным романтическим светом, если внутри нее опускалась горящая свеча. Тогда на вазе заметной становилась надпись: *Elle ne s'eteindra qu'avec la vie*¹⁰.

На втором портрете – превосходной копии с акварели Э. П. Гау – была изображена пожилая дама в белом чепце с розовыми лентами – покровительница, Анна Михайловна Хитрово. Фанни изредка удавалось выбраться из дома, чтобы повидать благодетельницу своей быстро пролетевшей юности. Добрая, разговорчивая, наделавшая огромное количество долгов светская дама была той ниточкой, что связывала Феодосию Петровну с былым миром. Со временем, в воспоминаниях, этот мир стал представляться ей блистательным, – тем дороже были те, кто по-прежнему жил в нем. Отдав свою дочь Александру обучаться в Екатерининский

⁸ Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Федоровне. С. 360–361.

⁹ Там же. С. 553.

¹⁰ «Она угаснет (только) вместе с жизнью» (*франц.*).

институт, Феодосия Петровна приезжала в Петербург, чтобы навестить ее и вдохнуть воздуха своей молодости...

А на третьем портрете был изображен один из соседей – Василий Дмитриевич Дурново. На акварели кисти известного художника Василий Дмитриевич был изображен цветущим мужчиной лет тридцати с небольшим в модном светло-коричневом сюртуке, золотых очках. Слегка выющиеся на висках волосы, тонкое красивое лицо с нежным румянцем... В 1883 году Константин Леонтьев, размышляя о своей судьбе, напишет: «Отец мой (Василий Дмитриевич Дурново) умер в 1833 году. – Я его, конечно, не помню»¹¹.

Константин Леонтьев не любил своего «официального» отца – на фоне благородной и изящной матери непомерно толстый, обрюзгший и ничем не примечательный отец не удовлетворял его развитому эстетическому чувству. Он отзывался в своих воспоминаниях о Николае Борисовиче не слишком почтительно: «отец мой был из числа тех легкомысленных и ни к чему не внимательных русских людей... которые и не отвергают ничего, и не держатся ничего строго... Отец был и не умен, и не серьезен»¹². Разумеется, такое мнение о Николае Борисовиче отчасти отражало отношение Феодосии Петровны к мужу. В записках, которые постаревшая женщина оставила после себя, есть повторяющийся мотив: «Девушки! Когда вы возьметесь за ум...? – то есть не будете выходить замуж!»¹³ Для умной, независимой, обладавшей сильным характером Феодосии Петровны замужество и даже материнство стали не радостью, а долгом, в том числе, из-за того, что она не уважала своего мужа. По мнению боготворившего мать Константина, тот был недостоин Феодосии Петровны «ни по уму, ни по нравственным свойствам, ни по воспитанию, ни даже по наружности»¹⁴.

Совсем другое дело – Василий Дмитриевич Дурново! Знатный дворянский род, богатство, привлекательная внешность, блестящее образование... Конечно, красивый и богатый отец нравился Константину Леонтьеву гораздо больше неудачника из флигеля. Подтвердить или опровергнуть мнение Леонтьева о своем происхождении не представляется возможным, хотя косвенные доказательства версии отцовства Дурново все же имеются. К моменту рождения сына супруг уже много лет обитал во флигеле, да и не похожа была рассудительная и жесткая Феодосия Петровна на сентиментальную девушку, которая стала бы всю жизнь хранить записки постороннего ей человека: в «Эрмитаже» не только висел подаренный ей соседом портрет, но хранилась и «реликвия» в деревянной урне – вышитая разноцветная бабочка со сделанной рукой Феодосии Петровны надписью: «*emblemme de m-r Dournoff*». Там же лежала записка, написанная Дурново в ответ: «*il l'avait avant de vous avoir connu*»¹⁵. А в 1829 году, когда Кудиново чуть не продали с публичных торгов, спасло имение вмешательство Дурново, – он погасил долги Феодосии Петровны. Впрочем, Кудиново еще не раз закладывалось, выкупалось, закладывалось вновь... Увы – хроническое безденежье сопровождало Константина Леонтьева с самого детства.

За несколько лет до смерти Дурново Феодосия Петровна и ее сосед посадили в кудиновском саду два дубка – один был назван его именем, другой – ее¹⁶. Через несколько лет после смерти Василия Дмитриевича дуб, названный в честь Фанни, засох. Действительно, после смерти Дурново Феодосия Петровна изменилась – как будто какая-то часть ее души тоже умерла. Она вспоминала Дурново до самой смерти и, постарев, описала историю с двумя

¹¹ Леонтьев К. Н. Хронология моей жизни. // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 томах. Т.6, кн.2. С. 28.

¹² Леонтьев К. Н. Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе. // Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. 9. – СПб.: изд. Русского Книжного Тов-ва «Деятель», 1913. С.21.

¹³ Леонтьева Ф. П. Два кудиновских дубка. // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 томах. Т.6, кн.2. С. 154.

¹⁴ Леонтьев К. Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Федоровне. С.573.

¹⁵ «Эмблема месье Дурново». – «Таким он был до знакомства с вами» (франц.)

¹⁶ Когда у Феодосии Петровны родился сын Константин, в его честь тоже было посажено дерево посреди цветника. Из саженца получилось стройный серебристый тополь.

дубками, закончив ее горькими словами: «...а жизнь-то, жизнь моя! Становится невыносима; ни физических сил; – ни моральных; – ни утешения; – ни подпоры; – пора!!! А каково же и умереть одной, не имея при себе милого по сердцу человека»¹⁷.

Константин родился раньше срока, 13 января 1831 года, семимесячным. Роды протекали тяжело. Но уже на следующий день ребенка крестили в церкви Рождества Христова в селе Щелканове – поблизости от Кудинова. Крестными стали старшие дети – брат Александр и сестра Аннушка. Ребенок был очень слаб, и если бы не тетка Екатерина Борисовна (младшая сестра Николая Борисовича Леонтьева), которая нянчила Костиньку днем и ночью, он вряд ли бы выжил. Тетушка души в мальчике не чаяла и баловала его, как могла. Она была горбатой, своей семьи не имела, жила в Кудиново приживалкой, и Костинька стал для нее предметом обожания.

Была и няня Матрена – безграмотная и «несколько злая», но умная женщина из дворовых. Мать принимала гораздо меньшее участие в жизни сына, пока тот был мал: она не слишком любила грудных детей. Феодосия Петровна кормила Константина грудью сама (как и остальных детей), но младенцем он не раз «переезжал» – она назначала ему разные комнаты в доме подальше от ее спальни, потому что Костя слишком громко и много плакал. Люльку переносили, и горбатая тетка с няней переселялись из комнаты в комнату следом за малышом. Одно время они жили даже в бане! Став взрослым, Константин не забывал о старой тетушке, пытаясь выделить ей хоть что-то из своих скудных средств... Сохранился и ее небольшой портрет карандашом, который Леонтьев выполнил с любовью. Но все-таки солнцем его жизни была мать, которая уделяла ему тем больше внимания, чем старше он становился. «Я так ее любил и так охотно на нее любовался!» – вспоминал Леонтьев.

Вся жизнь мальчика вращалась вокруг Феодосии Петровны. С ней были связаны и его первые религиозные переживания: «Помню картину, помню чувство, – писал позднее Леонтьев. – Помню кабинет матери, полосатый, трехцветный диван, на котором я, проснувшись, ленился. Зимнее утро, из окна виден сад наш в снегу. Помню, сестра, обратившись к углу, читает по книжке псалом: «Помилуй мя, Боже!», «окропивши мя исопом и очищуся; омыеши мя и паче снега убелюся. Жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит!» Эти слова я с того времени запомнил... И когда мне было уже 40 лет, когда матери не было на свете, когда после целого ряда сильнейших душевных бурь я захотел сызнова учиться верить и поехал на Афон к русским монахам, то от этих утренних молитв в красивом кабинете матери с видом на засыпанный снегом сад и от этих слов псалма мне все светился какой-то и дальний, и коротко знакомый, любимый и теплый свет. Поэзия религиозных впечатлений способствует сохранению в сердце любви к религии. А любовь может снова возжечь в сердце угасшую веру»¹⁸.

Феодосия Петровна была женщиной верующей, но ее религиозность носила скорее нравственный характер: она считала, что помощь ближнему важнее поклонов в церкви. Впрочем, она молилась утром и вечером, и запомнившаяся Константину картина зимнего утра как раз и была связана с такой обязательной молитвой, – мать молилась с 16-летней Александрой, приехавшей из Екатерининского института домой. Но к обедням Феодосия Петровна ездила редко, да и то не в свой приход, а в соседний, – там церковь была изящнее и чище. Леонтьев вспоминал: «Дом наш, вообще сказать, не был особенно набожным домом»¹⁹. Молитвам Константина научила не мать, а та же горбатая тетушка Катерина Ивановна.

¹⁷ Леонтьева Ф. П. Два кудиновских дубка. С. 154.

¹⁸ Леонтьев К. Н. Мое обращение и жизнь на св. Афонской горе. С.22.

¹⁹ Там же. С. 19.

Зато навсегда осталась в памяти Константина совместная поездка с матерью и Катериной Ивановной в Оптину Пустынь, – мальчика заворожили тишина и покой монастырской жизни, отталкивание от земного и несовершенного. Леонтьев заявил матери, вернувшись домой:

– Вы меня больше туда не возите, а то непременно останусь там навсегда.

Мысль о монастыре возникала его в голове и позднее, в юношестве. Во всяком случае, леонтьевский герой из первого автобиографического романа «Подлипки», Володя Ладнев, рассуждал о любви удивительнейшим для юноши его лет образом: любовь приводит к «душному браку», в котором мешаются скука, сострадание, дети, «бедные проблески последней пропадающей любви». «О, Боже мой! Не лучше ли стать схимником или монахом, но монахом твердым, светлым, знающим, чего хочет душа, свободным, прозрачным как свежий осенний день?» Разумеется, молодого Леонтьева подобные мысли посещали под влиянием семейной жизни, что была у него перед глазами: задыхающаяся от такой жизни мать, которая была заточена в «душном браке», где не только «бедных проблесков любви», но и сострадания-то не осталось. Впрочем, альтернатива в виде монашеской жизни все равно была необычна для томящегося в ожидании первой страсти молодого человека. Видимо, хотя религиозная вера пришла к Леонтьеву гораздо позже, уже в детстве и юности он испытывал в ней потребность, – всю жизнь он искал того, что могло бы стать духовной основой жизни.

С влиянием матери связан и «эстетический инстинкт», столь характерный для Леонтьева. Феодосия Петровна, несмотря на крайне стесненные средства, всегда стремилась к тому, чтобы жизнь в Кудиново была красива и изящна. Пусть ее «Эрмитаж» был обит дешевой бумажной материей (на другую денег у нее не было), зато комната была декорирована с большим вкусом. Даже из какого-то чулана под лестницей Феодосия Петровна смогла сделать таинственную нишу – самое уютное место в своем кабинете, где так любил находиться ее сын. Для него изящество и красота жизни тоже стали значить чрезвычайно много, – уже с детства он даже людей оценивал по тому внешнему впечатлению, что они производили на него.

Костя рос в женском обществе: Николай Борисович обитал во флигеле, старшие братья были помещены в различные учебные заведения, – его окружали мать, тетка, сестра. Они его наряжали, завивали мальчику волосы, душили одежду. Мальчиком он был женоподобным, любил примерять матушкины шляпки, называя себя в них: «Я сейчас мужская женщина». «Все детство он провел в деревне, но его воспитывали так по-женски, что он долго не знал, что значит ездить верхом»²⁰, – описывала его детство Мария Леонтьева, племянница и очень близкий ему человек. Правда, к нему для игр был приставлен крепостной мальчик, чуть старше его. Лет с шести Костя полюбил играть с ним в «островитян»: изображая дикарей, они сражались с врагами за свой остров в «сажалке»²¹. До этого же все его окружение было женским. Даже в куклы (которым он давал совершенно фантастические имена) он играл скорее по девчачьему «канону».

Константин с малолетства следил за своей одеждой, новый воротничок радовал его больше прогулки, он любил рассматривать себя в зеркале и радовался тому, что видел. Действительно, уже ребенком Константин был хорош собой. Не случайно дворовый художник, рисуя его портрет маслом, изобразил мальчика в виде херувима. Воспоминания об ангельской внешности в детстве льстили и взрослому Леонтьеву, – именно от него мы знаем об этом эпизоде. Да и одну из своих никогда не законченных автобиографических повестей он назвал «Записки херувима», – образ мальчика-ангелочка был ему дорог. Николай Бердяев и Юрий Иваск – два самых известных биографа Константина Леонтьева – в своих книгах писали

²⁰ М. В. Леонтьева. Отрывок из воспоминаний. // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 томах. Т.6, кн.2. С.138.

²¹ Сажалка – маленький искусственный пруд для хозяйственных целей, который использовался обычно для замачивания льна или конопли, для разведения рыбы (которую туда «сажали» – отсюда пошло и само слово).

о «муже-женственном строении души» (Бердяев) и об «андрогинном начале» (Иваск) Леонтьева.

С братьями и сестрами Константин не был близок из-за разницы в возрасте. Одно время Костя очень любил Александра, но и здесь речь шла об эстетическом восхищении и любовании, а не о душевной близости: Александр был на 11 лет старше, жил кадетом в Петербурге, никаких общих интересов с младшим братом у него быть не могло. Александр был всеобщим любимцем в семье (Константин Николаевич признавал, что «он был рожден с наилучшей из всех нас душой»²²). Именно с этим, когда-то любимым братом, ставшим бедным пехотным прапорщиком (он не доучился до военного инженера, его изгнали за шалость из кадетского корпуса), отношения во взрослой жизни у Константина сложились особенно сложные и неприязненные. «Ни на ком в жизни так, как на этом брате Александре, я не видал, до чего хорошая, добрая, симпатичная *натура* может стать гадким, низким и жалким *характером* при вредных влияниях и дурном направлении»²³, – писал постаревший Леонтьев.

Феодосия Петровна была вспыльчива и сурова, детей не баловала, а за провинности – пребольно секла. Но именно с матерью – строгой, но прекрасной – была связана вся жизнь Константина. Маленькому Костиньке мать читала вслух по вечерам – сначала по-русски, потом по-французски. Такое чтение вслух относилось к разряду развлечений, а у Константина со временем появилась и «работа» – Феодосия Петровна учила его по тем самым своим институтским тетрадам. А в 1841 году, уже десяти лет от роду, Константина отдали в Смоленскую гимназию.

К этому времени Николая Борисовича Леонтьева уже не было, – он долго болел и ушел из жизни в декабре 1839 года. Константин смерти отца почти не заметил. Мальчику запомнилась только бедная риза приходского священника на похоронах, сшитая из разноцветных шелковых треугольников... Хоронить Николая Борисовича повезли в Мещовский монастырь его сестра и одна из дочерей, остальные – в том числе, Феодосия Петровна – на кладбище вовсе не поехали. Смерть барина из флигеля не вызвала в семье горя...

Пристраивала своего младшенького Феодосия Петровна сама, – она отправила его в Смоленск под присмотр брата, Владимира Петровича Карабанова. Не случайно мотив жизни у родственников присутствует в романе «Подлипки», – Володю Ладнева тоже 10 лет забирают из дома, дорогого ему с раннего детства, из Подлипок (прототипом которых явно было Кудиново) к дяде. Реальный дядя (как и дядя из романа) был богат (ему принадлежало несколько имений под Вязьмой), имел звание генерал-майора, у него был единственный сын от первого брака, старше Константина. Феодосия Петровна надеялась, что брат поможет Константину встать на ноги. К сожалению, этого не произошло: Владимир Петрович скоро, Великим постом, умер. Константин закончил учебный год и уехал на лето в Кудиново.

Впрочем, вторая жена умершего Карабанова, Анна Павловна (в девичестве – Охотникова), овдовев, не отвернулась от родственников мужа. У нее не было своих детей, зато был добрый нрав, время и некоторые средства, чтобы помочь Константину. В имении Спасское-Телепнево, владеть которым после смерти дяди стала его вдова, Константин и Феодосия Петровна гостили каждый год, – расположено оно было в девяноста верстах от Кудиново. Следующую зиму Константин провел в петербургском доме Охотниковых, летом же 1843 года стал усиленно готовиться к поступлению в Дворянский полк. Конкурсный экзамен он выдержал успешно.

Учился Константин хорошо, аскетический кадетский быт обладал в его глазах определенной романтикой и прелестью, – он любил форму, ему нравились желтые погоны без про-

²² Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. (1874-1875). Автобиография. – The Slavic Series. Johnson Reprint Corporation, New York: 1965. P. 80.

²³ Там же. P. 80.

светов на плечах, слаженность движений во время строевых смотров. Когда кадеты запевали песню полка – Братья! Все в одно моленье // Души русские сольем... – подросток замирал от восторга. Мечтая, он представлял себя молодым генералом в орденах – чем-то похожим на портрет дяди в материнском кабинете. Но казармы отапливались плохо, сырой питерский воздух заставлял кадет мерзнуть еще больше, – дело закончилось тем, что Константин стал кашлять. Кашель не проходил, к весне усилился, и Феодосия Петровна встревожилась: не чахотка ли? Это слово воспринималось тогда как смертный приговор. В результате в 1844 году – как раз перед тем, как кадеты должны были выехать в летний лагерь (чего мальчик ждал с нетерпением) – Леонтьев был уволен из полка по болезни.

Кудиново после возвращения из Петербурга показалось Константину особенно родным и близким. Длинная аллея, ведущая к дому полиняло-желтого цвета, двор, обсаженный стриженными акациями, подросший серебристый тополь, посаженный в год его рождения, заставили биться сердце чаще. «Все, что двигалось и дышало здесь, плакало и веселилось – дорого мне», – такие слова о родном имени вложил Леонтьев в уста Володи Ладнева, в котором легко угадывается он сам. «В Подлипках... – казалось Володе Ладневу, – никто не страдает – все цветет и зеленеет; лай собак, пение петухов, шум ветра многозначительнее, не такие, как в других местах; мужички все, встречаясь, улыбаются, собаки знают меня, и умирать там, должно быть, легче, чем где-нибудь в другом месте!»²⁴

Все шло по привычному, заведенному Феодосией Петровной порядку, – из-за этого Константин чувствовал себя здесь особенно уверенно. Поняв, что мечта стать генералом, носить военный мундир, вызывающий восторги у дам, не сбудется, он стал примерять на себя гражданскую жизнь, – «примерка» эта опять была прежде всего эстетическая, внешняя. Похожая эволюция образа будущего произошла и в жизни Володи Ладнева: «К этому времени я уже решил быть статским. Самый гражданский костюм стал мне нравиться. Я слил в одно смутное представление множество образов...: Родольфа «Парижских тайн», каких-то умных и смелых людей... в модных фраках, с бакенбардами и бородами, с сияющим бельем, Байрона, Онегина, даже порочного, но непобедимого Сципиона из «Мартына-найденыша», артистов в острых шляпах..., смелых студентов в широких клетчатых панталонах...»²⁵. Но для того, чтобы мечты о сияющем белье, бакенбардах и модных фраках сбылись, надо было опять учиться.

В Дворянском полку кадеты изучали, главным образом, точные и естественные науки. Кроме того, они обучались пешему и конному строю, уставам, гимнастике, верховой езде, фехтованию. С латинским языком дело обстояло хуже – его не учили вовсе. Поступить же в гимназию без знания основ латыни было невозможно. Поэтому все лето Константин провел в Кудинове с учебниками латинского языка, и осенью 13-летний Леонтьев поступил в третий класс Калужской гимназии.

Он проучился здесь пять лет, жил в Калуге под присмотром горбатой тетушки Екатерины Борисовны и закончил курс в 1849 году с правом поступления в университет без экзаменов. Феодосия Петровна тоже на зиму перебиралась в Калугу, – Константин не чувствовал одиночества. Да и родственники в Калуге были – хотя бы Семен Яковлевич и Варвара Михайловна Унковские, у которых Леонтьевы часто бывали. Дом был зажиточный, хозяева – приветливые и хорошо образованные, дочери и сыновья бывали рады визитам Константина. Именно у Унковских Константин впервые увидел Ивана Сергеевича Аксакова, известного в будущем публициста-славянофила. Аксаков служил в Калуге в уголовной палате, Константин же знал его как сына знаменитого писателя и как поэта.

²⁴ Леонтьев К. Н. Подлипки. С. 81.

²⁵ Там же. С. 82.

Калужским вице-губернатором в ту пору был близкий Леонтьевым человек – Александр Николаевич Хитрово, сын Анны Михайловны. В его доме Константин, по некоторым сведениям, и жил во время обучения в гимназии²⁶. Там у него появился друг – Михаил, четвертый по счету ребенок Александра Николаевича. Он был моложе Константина на 6 лет, но дружба с ним сохранилась у Леонтьева на всю жизнь.

Учился Леонтьев хорошо (проблемы доставляла ему только физика, в остальном же учителя были им довольны), свою синюю форменную фуражку с лаковым козырьком и кокардой из двух скрещенных лавровых веток и аббревиатурой «ККГ» (Калужская классическая гимназия) он научился носить с неувимым шиком, но все-таки душою класса не стал и ничем особенным из числа других гимназистов не выделялся. Самым приятным временем для него оставалось лето – вакации в любимом Кудинове.

Судя по произведениям Леонтьева, это было время и первых влюбленностей. Володя Ладнев, литературная проекция Леонтьева, был «обвенчан» (конечно, в шутку! но шутка накрепко запомнилась) в девять лет, но по-настоящему он влюбился позже, в четырнадцать – уже в доме дяди, где жил, пока учился в городе. Там, вдали от родных Подлипков, он получает письмо-признание в любви от барышни Людмилы Салаевой и, конечно, тут же влюбляется в нее в ответ. Вслед за этой «любовью» Володя Ладнев переживает и другую – к Софье Ржевской, которая умна и весела и с которой они оба *играют* в любовь, следуя правилам жанра, но сохраняя трезвую голову. В это же время Володя томится от предчувствия и потребности физической любви: с барышнями такое томление удовлетворить невозможно, проститутки оскорбляют его эстетическое чувство, значит, остается обратить внимание на девушек «из народа». Володя Ладнев ухаживает за Катюшей – крепостной из дворни, которую знает еще по детским совместным играм. Но успеха добивается не он, а его соперник – бедный родственник Модест Ладнев, пообещавший на Катюше жениться, но своего обещания, разумеется, не выполнивший. Надоевшая вскоре Катюша была брошена им на произвол судьбы в чужом городе. Впрочем, спустя некоторое время выгодно женившийся Модест заглаживает грех своей молодости, регулярно посылая опустившейся Катюше деньги на жизнь. Остается только гадать, что в этой истории взято Леонтьевым из его прошлого.

В «Подлипках» много женских персонажей, в том числе, тех, что вызывают явный сексуальный интерес у Володи Ладнева. На страницах романа запечатлен, например, образ Паши – «поповны», влюбленной в Володю девочки, которую он выманивает ночью из дома, имея в голове детально разработанный план ее соблазнения. Результат оказывается другим – Володя не может обидеть доверчивую Пашу, благородство природы побеждает. Авторская интонация, когда он рассказывает об этом случае, заставляет почувствовать, что история эта – глубоко личная, непосредственно пережитая. Но, как понимает читатель, все это – некоторые предположения и размышления, а вот с фактами в этой области плоховато... Одно очевидно: уже с самой юности Леонтьев был очень влюбчив. Более того, женщины на протяжении всей его жизни чрезвычайно часто отвечали ему взаимностью, – их было в его жизни очень много, о чем говорил и он сам, хотя большую часть их имен мы уже не узнаем.

Окончив гимназию, осенью 1849 года Леонтьев поступил в ярославский Демидовский лицей, – высшее учебное заведение, готовившее гражданских чиновников, прежде всего, юристов. Но провел в нем Леонтьев лишь два месяца: он был обескуражен преподаванием. Предметы давались ему слишком легко и не возбуждали его любопытства. Константину стало скучно, он растерялся: что же делать? На семейном совете Феодосия Петровна постановила: учебу прервать, вернуться в Кудиново и поступать в университет. Так в конце октября Леонтьев вновь оказался в Кудинове, откуда и послал свои документы в Московский университет на медицинский факультет. Врачебную карьеру он избрал тоже по совету матери: та считала, что

²⁶ См.: Калуга в шести веках: Материалы 1-й городской краеведческой конференции. – Калуга: 1997. С. 146.

такая профессия сможет обеспечить сыну безбедное существование. На время его обучения Феодосия Петровна положила высылать ему по 10 рублей серебром в месяц, жить же в Москве он должен был у богатых родственников – в доме Охотниковых.

Глава 2. Университет

О молодость! Молодость!.. Может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности все сделать, а в возможности думать, что все сделаешь.

И. Тургенев

В Москву Леонтьев приехал, когда занятия уже начались, – ему пришлось догонять других студентов. Сначала он снимал комнату на Остоженке, а потом поселился в доме Н. В. Охотниковой и ее дочери-вдовы А. П. Карабановой. Трехэтажный дом, возведенный еще в 18 веке и отстроенный заново после пожара 1812 года, стоял на Пречистенке – одной из наиболее аристократических улиц Москвы. Поблизости располагались усадьбы Лопухиных, княгини Салтыковой-Головкиной, богатые дома князей Долгоруких, генерала Ермолова. Недаром с легкой руки П. А. Кропоткина, родившегося неподалеку, Пречистенку окрестили «московским Сен-Жерменом». Константину выделили целых три просторные комнаты с большими окнами, выходящими на улицу. Комнаты находились в нижнем этаже, и у молодого человека был даже свой особый вход с крылечком.

Студенты Императорского Московского университета учились на четырех факультетах – историко-филологическом, физико-математическом, юридическом и медицинском. Число студентов тогда было ограничено, их поступки и даже внешний вид строго регламентировались, – например, все студенты должны были носить треугольную шляпу; появившись на улице без оной, можно было угодить в карцер. Занятия начинались в девять утра, заканчивались около четырех, но студентам-медикам (которых каждый год принимали около 80 человек) редко приходилось просиживать весь день на Моховой. С каждым семестром все больше времени они проводили в анатомическом театре, университетских госпитальных клиниках (они получили название Клинического института) или Новоекатерининской больнице.

Леонтьеву довелось слушать лекции известных профессоров – Ф. И. Иноземцева и А. О. Овера, о которых он потом не раз с благодарностью вспоминал, хотя и характеризовал их не как специалистов, но эстетически: Иноземцев был приятно-некрасив и изящен, Овер – красив, но криклив, а помощник Овера, маленький плешивый К. Я. Млодзеевский, умел замечательно разъяснять студентам предмет, но в силу своей некрасивости производил на Константина «жалкое и досадное впечатление».

Леонтьевские описания по-своему поразительны, – он оценивал профессоров как гобелены или вазы; его больше занимал вопрос – насколько они живописны, профессиональные же их качества для него были вторичны: «Овер был похож на храброго, распорядительного и злого зуавского полковника, на крикливого и смелого француза-*parvenu*. Иноземцев казался или добрым и вместе с тем энергическим русским барином с удачной примесью азиатской крови и азиатской серьезности, – или даже каким-то великодушным, задумчивым и благородным поэтом с берегов Инда или Ефрата, поступившим ... на коронную службу к Белому Царю. ... Всякий человек со вкусом и понятием ... согласится, что последнее лучше ... Это изящнее».²⁷ Константин, при всем своем честолюбии, искренне считал:

– Бог с ними, с познаниями и со славой ученого, не нужны они мне, если за это у меня должно сделаться такое лицо, как у Млодзеевского!

Леонтьева тогда по-настоящему увлекла френология Франца Галля – околонуточная попытка определить характер по выпуклостям на черепе. Он пытался по буграм на голове «про-

²⁷ Леонтьев К. Н. Воспоминание о Ф. И. Иноземцеве и других московских докторях 50-х годов.// Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. 9. – СПб.: 1913. С.60.

читать» знакомых и незнакомых людей, пробовал таким образом определить характер своих университетских преподавателей. Через год он разочаровался в этой теории, но стал увлекаться ее обновленной версией – физиогномикой. Константин штудировал немецкие книги К. Каруса, Р. Вирхова, И. Энгеля о костях черепа и лица, даже выписывал их брошюры из Германии, несмотря на то, что это оставляло заметную брешь в его ограниченном бюджете. Он мечтал, что со временем сможет указать людям, как надо устроить общество «на физиогномических основаниях», – справедливых и *приятных*. «Главное – *приятных!*» – подчеркивал Леонтьев. Ведь физиогномика поможет точно определить, кто способен управлять, кто – судить, кто вынашивает в себе преступление, а кто наделен талантами... Видимо, молодой студент считал: выполнять публичные функции в этом случае должны люди с привлекательной внешностью, что остальным будет доставлять удовольствие...

Учились студенты 6 дней в неделю, выходной был только один, да и тот приходилось тратить на подготовку домашних заданий. В то же время, у Леонтьева появились знакомые, причем большей частью – богатые (так как знакомства осуществлялись через богатых же родных), в результате – его жажда светской красивой жизни, любви, успеха стала только сильнее. Обеспеченный Володя Ладнев из «Подлипок» время от времени мог обращаться в своих глазах в Онегина – ему иногда позволялось прокатиться на своих санях с возницей, когда «морозной пылью серебрился его бобровый воротник», но у Леонтьева таких минут не бывало. Времени и десяти рублей, которые Феодосия Петровна ежемесячно посылала сыну, катастрофически не хватало для удовлетворения мечтаний.

Вспоминая свою молодость, Леонтьев характеризовал ее как несчастливую: тщеславие у него было огромное, а жизнь он вынужден был вести скромную, к тому же он мучительно боялся, что «отцветет, не успевши расцвести». Напротив университета находился трактир «Британия», где Леонтьев любил читать журналы и пить чай, – заказывать что-нибудь кроме чая он мог позволить себе лишь изредка и только произведя в голове подробную калькуляцию своих средств. Это казалось ему унижительным и заставляло по-настоящему страдать.

Медицина тоже интересовала Леонтьева только в общих теоретических выводах, частности же – к которым реальная медицина и сводится! – тяготили его. Он хорошо учился, старательно зубрил названия костей и мышц, но не чувствовал призвания к медицинской практике, прежде всего потому, что на первых двух курсах не имел почти дела с реальными больными и не мог ощутить нравственного пафоса будущей профессии. Реальность же анатомического театра со смрадными трупами бродяг, которые использовались для обучения студентов, отталкивала. В одном из своих романов он описывал впечатления студента-медика: «На воображение его раздирающим образом действовали трупы синие, зеленые, худые, раздутые водой, удушенники, замерзшие пьяные женщины, одинокие старички и старушки, которых никто не требовал для похорон и которых терзали на куски для студентов... Он должен был прожить целый год в борьбе с самим собою, чтобы привыкнуть к постоянному созерцанию смерти во всех ее самых грязных, самых скучных видах...». К тому же, Леонтьев по-прежнему сильно кашлял, часто болел, – его здоровье никогда не было крепким. В результате – студенческие годы, которые обычно представляют себе как веселые и бесшабашные, прошли у Леонтьева под знаком если не депрессии, то постоянной меланхолии.

Самое удивительное, что объективных причин для этого находилось не так уж много. Да, десяти рублей было мало для нарядной одежды, для обедов в трактире, для театров, но по сравнению со многими своими соучениками Леонтьев жил чуть ли не роскошно! Своя квартира в богатом доме у родственников, возможность не думать о хлебе насущном, не бегать по урокам для заработка были подарком судьбы. Константин, понимая это разумом, настроен был все же мрачно: он переживал из-за заношенности своих перчаток (ему казалось, их потертость заметна всем!), его мучили сомнения в своих способностях... Леонтьеву была свойственна та самоуверенность, оборотной стороной которой являлась крайняя неуверенность в себе. С

одной стороны, он чувствовал в себе силы и таланты, которые, как он надеялся, дают ему право на неординарную жизнь, – «право надежды на многое в будущем» дорого и Володе Ладневу. С другой, – Леонтьев сомневался в себе ежечасно и ежеминутно и страдал от этих сомнений. Сомнения усилились, когда в его жизнь вошел Алексей Георгиевский.

Этот человек стал единственным настоящим другом Леонтьева в университете. «Меня не занимала грубая веселость моих товарищей, – вспоминал он позднее. – Видимо, они ни о чем почти не беспокоились и не думали, кроме экзамена и карьеры своей. Я же с утра до вечера думал и мучился обо всем»²⁸. Константин почти ни с кем из студентов не общался, – пока не встретил Алексея. Молодой и талантливый Георгиевский тоже учился на медика, тоже родился в Калужской губернии. Он был двумя годами старше Леонтьева и буквально поразил Константина неординарностью «независимого и мощного ума». Леонтьев считал друга гениальным и, с одной стороны, восхищался им и дорожил сложившимися отношениями, с другой – интеллектуальное превосходство Георгиевского (реальное или придуманное – не столь важно) подавляло, заставляло сильнее сомневаться в себе.

Надо сказать, что и Георгиевский не отказывал себе в удовольствии поддразнить Леонтьева и посмеяться над его изнеженностью и «барскими замашками». Сам Георгиевский находился в гораздо более тяжелом положении: он был сыном очень бедного многодетного чиновника, денег из дома на жизнь не получал никаких, богатых родственников у него в Москве не было, а в университете он был «казенным студентом» – то есть учился за государственный счет. Георгиевский кормил себя уроками. Тяжелая жизнь озлобила его, и он иногда срывался на излишне избалованном, с его точки зрения, Леонтьеве, делая того объектом своих ядовитых шуток. Леонтьев, искренне любивший Георгиевского, мучился еще больше от своей «второсортности», но продолжал восхищаться другом.

Друзья разговаривали часами о литературе, о любви, о религии (Георгиевский склонялся к атеизму), о предназначении человека. Они обсуждали Гомера и Гоголя, Тургенева и Пушкина. Под влиянием друга Леонтьев начал читать Белинского, Герцена, Жорж Санд – «прогрессивную литературу» того времени. Юношеская обостренность чувств сказывалась и тут: он мог плакать от жалости к миру над стихами Некрасова (которого терпеть не мог в зрелом возрасте) и Огарева. В политических взглядах Леонтьев стал склоняться к республике, чем вызвал искренний гнев матушки, для которой монархизм был так же естественен, как дважды два четыре. Правда, республиканцем он вряд ли был настоящим, – просто сказалось воздействие старшего товарища.

В ранних леонтьевских сочинениях Георгиевский выведен под именем Юрьева. Ладнев мечтает соединить в себе ум Юрьева с грациозностью Яницкого (эту фамилию Леонтьев дал нескольким персонажам своих произведений; «бледный, красивый, с тонкими чертами лица, богатый, независимый» – так он описывает одного из этих Яницких). Рассуждения были таковы: пусть я не так умен, как Юрьев, пусть я не так грациозен, как Яницкий, зато я *полнее* их, так как сочетаю различные качества. Леонтьев никогда не мог удовлетвориться только умом, его обостренное эстетическое чувство требовало для ума соответствующей «оболочки». В этом смысле, он был настоящим *денди*, вернее, стремился им быть, поскольку реализации идеала мешало отсутствие денег на покупку новых перчаток и туфель.

Русский дендизм, образом которого стал пушкинский Евгений Онегин, был целым явлением в отечественной культуре позапрошлого столетия, он представлял собой попытку нахождения изящных внешних форм для утонченной умственной культуры. Страдания молодого Константина были обусловлены невозможностью воплощения такого идеала в собственной жизни.

²⁸ Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 томах. Т.6, кн. 1. С.28.

Во многих романах Леонтьева встречается мотив любования героя самим собой, но чужими глазами (а в каждом леонтьевском герое немало автобиографических черт). Тот же Володя Ладнев мечтательно моделирует ситуацию в театре, когда на него смотрят со всех сторон и говорят друг другу: «Кто этот прелестный молодой человек?» – «Это племянник генерал-губернатора.» – «Что за восхитительный молодой человек, не так ли?» – «О да, он очарователен».²⁹ В другом романе – «Египетский голубь» – *alter ego* автора некоторое время страдает от отсутствия красивой и модной одежды, но берет в долг и пополняет свой гардероб, после чего секретарь посольства сообщает ему с улыбкой, что все иностранцы спрашивают про него: «Кто этот молодой и элегантный консул, который давеча вышел из ворот русского посольства?»³⁰

Им нельзя не восхищаться! – вот лейтмотив внутреннего самоощущения молодого Леонтьева, мотив, который и приводил к мучительной раздвоенности жизни: красивой и изящной в мечтах, обыкновенной и подчас грубой в реальности. Леонтьеву приходилось постоянно мирить в себе эти два мира, переходить от веры в себя к страху оказаться заурядным – внешне и внутренне. Георгиевский, не обладавший ни тонким леонтьевским вкусом, ни потребностью окружать себя красивыми вещами, постоянно подшучивал над другом, считая все это барской блажью. В то же время, он высоко ценил интеллектуальные способности Леонтьева, их беседы были не менее интересны и ценны и для него, потому эта подчас мучительная для Леонтьева дружба продолжалась два года, – друзья виделись практически ежедневно и у них не было тайн друг от друга («я его года два подряд без ума любил», – напишет потом Леонтьев). Но после 2 курса, в 1851 году, Леонтьев с Георгиевским отношения разорвал. «Я был тогда точно человек, с которого сняли кожу, но который жив и все чувствует, только гораздо сильнее и ужаснее прежнего. Оттого-то я и не мог долго выносить иронию и умственную злость моего разочарованного друга; его даже и шуточные замечания действовали как едкое вещество на живое окровавленное тело»³¹, – так объяснял постаревший Леонтьев свой поступок. Он не имел о Георгиевском никаких известий после окончания курса, но позднее каким-то образом узнал, что тот отравился в 1866 году...

Вскоре в жизнь Леонтьева вошла и женщина – Зинаида Яковлевна Кононова. Он познакомился с ней в первый свой студенческий год. Она была немного старше Константина, не слишком красива, но кокетлива, неглупа, изящно одевалась и сразу обратила на себя внимание молодого человека. Спустя годы он вспоминал ее прекрасные серые глаза... В леонтьевском романе «В своем краю» один из персонажей описывает свою возлюбленную: «Она была старше меня двумя годами, хитра, упорна, тщеславна и старалась скрыть свое тщеславие, – речь явно идет о Зинаиде. Поскольку девушка тоже выделила стройного красивого юношу из круга своих поклонников, то довольно скоро они стали часто видеться, но отношения их в первый год оставались неопределенными, хотя и с нотками взаимного сексуального интереса.

Леонтьев был заинтригован и увлечен. Тем не менее, когда однажды Зинаида, капризно надув губки, спросила Леонтьева:

– Вы кого больше любите – меня или своего противного Георгиевского? Только правду говорите!

Леонтьев ответил:

– Если правду – Георгиевского... Разве может молодая девушка понимать то, что он понимает?

²⁹ Леонтьев К. Н. Подлипки. С. 64.

³⁰ Леонтьев К. Н. Египетский голубь. // Леонтьев К. Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. – М.: Современник, 1981. С. 329.

³¹ Леонтьев К. Н. Тургенев в Москве. (1851-1861 гг.) (Из моих воспоминаний). // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 томах. Т.6, кн. 1. С. 698.

Этот эпизод потом нашел свое место в «Подлипках» – в разговоре Володи Ладнева с Софьей Ржевской. Женщины никогда не занимали слишком большого места в душе Константина – наверное, потому он и пользовался у них таким успехом.

10 июня 1850 года Леонтьев поехал в Кудиново на летние вакации. А следующий учебный год в Москве стал решающим в жизни Леонтьева, – он стал писать. Причем он сразу, практически одновременно, стал писать большой роман, пьесу и поэму! Но меланхолия его от этого не стала слабее. «В 51-м году мне стало до того... уже грустно и больно, что я вовсе перестал понимать веселые стихи, веселые сцены и т. д... Я только понимал страдальческие болезненные произведения»³², – вспоминал Леонтьев. Именно в таком состоянии он прочел «Записки лишнего человека» Тургенева. Он читал их в трактире «Британия», и печальная история умирающего от чахотки юноши в прямом смысле заставила его плакать. Леонтьев был вынужден закрывать лицо книгой, чтобы не возбудить любопытства у других посетителей. Конечно, он увидел в тургеневском лишнем человеке *себя*, – сказала и его боязнь чахотки, и неудовлетворенное самолюбие, и одиночество.

Зинаида Кононова не могла служить ему утешением, – отношения с ней тогда были «какие-то нерешительные, неясные, шаткие, и даже они причиняли больше боли, чем радости». Думая о ней, Константин любил повторять строки из стихотворения Ф. Ключникова:

Я не люблю тебя, но, полюбив другую,
Я презирал бы горько сам себя.

Он испытывал горькое удовольствие, шепча себе: «*Я не люблю тебя*». Но каждый день он приходил в дом Кононовых, чтобы увидеть Зинаиду, – это стало для него потребностью. «Не видеть ее день один было для меня тяжело»³³, – признавался Леонтьев. Она даже не казалась ему красивой, он видел недостатки ее внешности, но оторваться от нее Леонтьев не мог.

«Я был на втором курсе и очень много страдал в этом году... Я был очень самолюбив, требовал от жизни многого, ждал многого и вместе с тем нестерпимо мучился той мыслью, что у меня чахотка»³⁴, – так описывал Леонтьев состояние, в котором он написал свое первое литературное произведение – пьесу «Женитьба по любви». «Несмотря на самые неблагоприятные и даже мрачные условия... в эту ужасную зиму из души моей каким-то неудержимым ключом и почти вдруг стало бить литературное вдохновение!»³⁵ – вспоминал Леонтьев.

Сюжет пьесы опять был во многом автобиографичен: речь шла о молодом человеке, Андрее Кирееве, живущем в Москве с теткой. Ему понравилась девушка, – молодая, *хитрая*, красивая, но бедная. Она пережила роман со своим кузеном – Буравцевым, который не захотел ни обольстить ее, ни жениться на ней. Буравцев хочет выдать кузину замуж за Киреева, – в отличие от реального Леонтьева, у Киреева есть небольшое состояние. Но Киреев и сам не знает, любит ли он девушку. Его друг, Яницкий (Леонтьев, как я уже говорила, не раз использовал эту фамилию), богатый, умный, но больной чахоткой и озлобленный на мир человек «от скуки проливает свой яд на раны беспокойного Киреева»³⁶ (какие-то черты характера Яницкого явно срисованы с Георгиевского). Яницкий уверяет Киреева, что тот вовсе не способен любить. В конце концов, Киреев, *чтобы доказать Яницкому*, что он способен на сильный поступок, делает девушке предложение. В последнем действии пьесы Киреев всячески мучит и свою новобрачную, и беззаветно любящую его тетку, ссорится с ними и вызывает на дуэль

³² Там же. С. 698.

³³ Там же. С. 699.

³⁴ Там же. С. 696.

³⁵ Там же. С. 709.

³⁶ Там же. С. 700.

Яницкого – из чувства безысходности. Яницкий, несмотря на то, что храбр, отказывается от дуэли, – он понимает мотивы Киреева, и это моральное мужество друга-врага окончательно Киреева унижает...

Пьеса была основана на тонком анализе болезненных чувств героя, она явно не предназначалась для сцены – была «пьесой для чтения». Написав первые два действия, Леонтьев почувствовал облегчение – он будто выплеснул на бумагу собственные страдания. Когда пьеса была готова, он прочел ее двум своим товарищам – Георгиевскому и еще одному, которого называл в воспоминаниях «Ер-в». С него он списал внешность Яницкого из пьесы: Ер-в был светским человеком, имел деньги, прекрасно танцевал и ездил верхом, был насмешлив. Леонтьев вспоминал, что составил Яницкого из своей собственной телесной болезненности, светской внешности Ер-ва и ядовитости Георгиевского. Причем если Киреева (в котором тоже так много было от него самого!) Леонтьев презирал, то Яницкого любил и уважал...

Автобиографичность большинства литературных произведений Леонтьева очевидна, но биограф его неминуемо сталкивается с проблемой: насколько возможен перенос тех характеристик, которые даются леонтьевским героям, на самого автора? Даже в том случае, если Леонтьев сам (в письмах, разговорах с друзьями и т. п.) указывал на «родственность» персонажа, разумеется, тождества не было, – ведь его герой принадлежал иной, художественной реальности, с иной логикой и законами развития. В то же время, очевидно частичное совпадение автора и героя *за пределами* произведения³⁷, в пространстве реальной жизни, которым нельзя пренебрегать. Для Леонтьева такое совпадение чрезвычайно характерно, поэтому обращение к текстам его литературных сочинений не менее важно для понимания личности автора, чем письма, мемуары, автобиографии.

Леонтьев решил прочитать свое первое творение друзьям. Спустя годы он рассказывал³⁸, что после чтения Георгиевский, без своей обычной насмешливости, обнял его и сказал:

– Ну вот, Костя, на что ты жаловался? Вот тебе награда за все страдания твои – настоящий талант!

Ер-в поддержал его:

– Так странно видеть в близком знакомом такого даровитого человека! Я и не думал, что ты можешь так серьезно и хорошо писать!

Леонтьев обрадовался похвалам друзей, но понимал, что без поддержки в литературном мире пьеса вряд ли будет напечатана. Кроме того, ему хотелось услышать мнение настоящего литератора, – себе самому и друзьям он не мог полностью доверять. Кому же показать пьесу? Алексею Хомякову? Его сочинения не слишком нравились Леонтьеву. Михаилу Погодину? Он не был симпатичен Леонтьеву лично. Графине Евдокии Ростопчиной? Но ее стихи они так резко критиковали в беседах с Георгиевским... Александру Островскому? Он показался Константину «груб, мужиковат и горд»³⁹... Больше всего Леонтьеву «за глаза» нравился Тургенев, но друг не разделял его мнения:

– Талант он и сам не первоклассный! Описания природы у него скучны... У гениального писателя описания никогда не бывают точь-в-точь как жизнь, – они должны быть или лучше жизни, или хуже ее. У Гоголя, например, они преднамеренно хуже, а Тургенев твой мелочно следует за жизнью...

Гоголь не слишком привлекал Леонтьева, – он не был в этом пункте согласен с Георгиевским. Тургенев вызывал восторг, но Иван Сергеевич находился тогда за границей, пойти к нему со своей пьесой было нельзя... Может быть, показать пьесу Евгению Тур? Евгения

³⁷ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества (Сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; прим. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова.) – М.: Искусство, 1979. С. 141.

³⁸ См.: Леонтьев К. Н. Тургенев в Москве. С. 702–703.

³⁹ Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. С. 35.

Тур, или Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир, которая жила в Москве «соломенной вдовой» при живом муже-французе, высланном на родину после дуэли, не только писала восторженно встреченные критикой романы, но была хозяйкой известного московского литературного салона. Георгиевский и тут сомневался:

– Ты всем этим известностям не слишком верь, – они тоже ошибаться могут. Ты себе больше верь, своему чувству...

Впрочем, в том пункте, что литературный покровитель Леонтьеву нужен, Георгиевский с ним соглашался... Но кто?

Распорядилась судьба. В один из весенних вечеров Леонтьев сидел за столом в доме Охотниковых на Пречистенке. На глаза ему попала лежащая тут же газета. Он прочел напечатанное в ней объявление о том, что «Николай Сергеевич и Иван Сергеевич Тургеневы вызывают должников и заимодавцев скончавшейся матери своей». Ниже следовал адрес по соседству – на Остоженке. И на следующий день в 9 утра Леонтьев подходил к большому серому деревянному дому маркшейдера Лошаковского, где жила ранее мать Тургенева, Варвара Петровна, увековеченная сыном в образе властной барыни, повелевшей утопить собачку Му-му. Сердце Леонтьева часто билось. Причем билось оно не только из-за пьесы, но и из-за боязни разочароваться в кумире.

Леонтьев боялся увидеть человека скромного, некрасивого, не годного в герои – словом, «жалкого труженика». Опасения его усиливались тем, что персонажи изданных к тому времени произведений Тургенева были все «такие скромные и жалкие». «Терпеть не мог я смолоду бесцветности, скуки и буржуазного плебейства, хотя и считал себя крайним демократом»⁴⁰, – признавался в старости Константин Николаевич. Внешность играла такую большую роль в его оценке людей, что он попросту боялся – вдруг у любимого им писателя окажутся засаленным сюртук или обкусанными ногти? Со стесненным сердцем он позвонил. Через несколько минут его ввели к Тургеневу. Слава Богу, опасения оказались напрасными! Навстречу Леонтьеву поднялся красивый 30-летний *барин* очень высокого роста, атлетически сложенный и прекрасно одетый.

Тургенев считался красавцем, был богат⁴¹ и вполне подходил к выработанному Леонтьевым идеалу соединения мысли и внешней изящности. Утонченный интеллектуал (Тургенев получил степень магистра философии в Московском университете, изучал древние языки в Берлине, в 1860 году стал членом-корреспондентом Императорской Академии Наук по отделению словесности), Иван Сергеевич чрезвычайно заботился и о своей внешности. Леонтьев описывал, каким он увидел впервые Тургенева: «Росту он был почти огромного, широкоплечий; глаза глубокие, задумчивые, темно-серые; волосы были у него тогда темные, густые, как помнится несколько курчавые с небольшой проседью; улыбка обворожительная, профиль немного груб и резок, но резок барски и прекрасно. Руки *как следует* красивые *des mains soignees*⁴², большие, мужские руки. ...Одет на нем был темно-малиновый шелковый шлафрок и белье прекрасное». Много лет спустя он помнил цвет тургеневского шлафрока и качество белья! Удивительное все-таки восприятие мира было у Константина Николаевича! Не случайно, а вполне в согласии со своим «эстетическим инстинктом» Леонтьев написал об этом своем первом визите к Тургеневу: «Если бы он и дурно меня принял, то я бы за такую внешность полюбил бы его»⁴³. Как он был рад, что Тургенев оказался *героичнее* своих персонажей!

Представившись, Леонтьев почти сразу начал читать своему кумиру «Женитьбу по любви». Тургенев слушал, закрывшись руками, около 15 минут. Читал свою пьесу Леонтьев

⁴⁰ Леонтьев К. Н. Тургенев в Москве. С. 704.

⁴¹ Некоторое время до встречи с Леонтьевым Тургенев испытывал финансовые затруднения, – его мать отказала ему в финансовой поддержке в связи с увлечением сына певицей Полиной Виардо («проклятой цыганкой», как она ее называла).

⁴² Ухоженные руки (франц.)

⁴³ Леонтьев К. Н. Тургенев в Москве. С. 704.

неумело, поэтому, прервав Константина, Тургенев попросил оставить ему текст для самостоятельного прочтения.

– Вы учитесь в университете? – спросил Тургенев взволнованного автора.

– Да.

– Учитесь словесности? – сам Тургенев много лет назад, перед своим отъездом в Петербург с родителями, тоже год отучился в Московском университете на историко-филологическом факультете.

– Нет, я второй год учусь медицине, – ответил Константин.

Тургенев с интересом взглянул на молодого человека.

– А писать давно начали?

– «Женитьба по любви» – моя первая пьеса, – признался Леонтьев. – Потому мне так важно Ваше мнение. Если вещь бездарна, я брошу писание, так как ни за что не соглашусь быть посредственностью... Я презираю посредственность в искусстве.

Тургенев вновь заинтересованно взглянул на Константина.

– Хорошо, приходите ко мне завтра утром, – я прочту Вашу пьесу и откровенно выскажу свое мнение, я Вам обещаю.

Леонтьев не подозревал, что за полчаса до его визита к Тургеневу приходил другой молодой автор, армейский офицер. Накануне он оставил Ивану Сергеевичу свое произведение – повесть про графиню, благородного и оболыстительного офицера (в котором, видимо, автор вывел самого себя), дуэль... Вещь была никуда не годная, Тургенев при повторном визите автора не принял, а только выслал записку, что повесть не может быть опубликована. Не успел уйти разозленный офицер, как доложили о Леонтьеве, – Тургенев был известен, обласкан критикой, и молодые авторы буквально осаждали его в поисках покровительства. Знай все это Леонтьев, он волновался бы еще больше. Но, как говорил потом Тургенев, леонтьевская пьеса была «совсем не то, что у офицера», – что-то в произведении Леонтьева сразу же привлекло внимание писателя, он почувствовал недоужинное дарование в нервном студенте.

На другой день Леонтьев опять подходил к знакомому серому дому. Он волновался: должна решиться его судьба в литературе. Каково же было разочарование, когда он узнал, что Тургенев не сможет принять его: накануне писатель почувствовал себя плохо, у него участилось сердцебиение и даже профессора Иноземцева к нему вызывали... Встретились Леонтьев с Тургеневым только через пару дней. После этой второй встречи Леонтьев был буквально окрылен: его талант признан! Он не посредственность! Его интуиция, обещавшая блестящее будущее, подтверждена мнением самого Тургенева! Действительно, Иван Сергеевич высоко оценил пьесу Леонтьева:

– Ваша пьеса – вещь болезненная, но очень хорошая, особенно для Вашего возраста. Видно, что Вы не подражаете никому, а пишете прямо от себя и очень искренно. Пьеса у Вас не совсем кончена, – закончите ее полностью, и я с радостью ее напечатаю. Я постараюсь Вам выхлопотать гонорар в 75 рублей за лист, – столько получает только Писемский. Я и Григорович получаем по 50 рублей. Ну уж за эту-то цену я Вам ручаюсь...

А. Ф. Писемский находился тогда на пике известности, – в 1850 году была опубликована его повесть «Тюфяк», сразу выдвинувшая его в первый ряд писателей своего времени. Тургенев, хотя и был не менее известен, финансово не столь зависел от гонораров, потому удовлетворялся меньшей суммой. На Леонтьева перевод разговора в практическую плоскость подействовал как бокал шампанского, – его талант осязаем, речь уже идет о сумме гонорара! А Тургенев подлил масла в огонь, спросив, нет ли у него других произведений для печати. Леонтьев вспомнил про задуманный роман и обещал принести написанные им первые главы.

Замысел романа «Булавинский завод» был навеян Леонтьеву мечтами о своем будущем. Главный герой, доктор Руднев, жил вдали от столиц в маленьком домике на опушке леса. Он управлял заводом и именем богатого помещика и лечил его крестьян. Леонтьев и сам мечтал

о такой жизни – здоровой и полезной другим, *независимой*. По сути, Киреев из «Женитьбы по любви» и Руднев из «Булавинского завода» раскрывали разные стороны личности самого Леонтьева: «И тот, и другой был я, и ни тот, ни другой не был мною. Если Киреев был богаче меня, был независимее и лучше моего поставлен в московском обществе, – Руднев зато был еще беднее, он нуждался в хлебе; он был сирота; у него не было как у меня прекрасного материнского прибежища, – родного имения, красивого, тенистого нашего Кудинова! Киреев был здоров. Руднев был болен грудью, как я. Руднев был доктор, как я. Все свое малодушное, все свое слабое я придал Кирееву; все солидное, почтенное, серьезное, что во мне было, я вручил Рудневу... В Кирееве была моя дворянская, «светлая»... сторона; в Рудневе – моя труженическая»⁴⁴.

Леонтьев, вжившись в образ Руднева, даже судьбу его выводил согласно мечтам о собственном будущем: в лесу, на здоровом воздухе, грудь у Руднева проходит. Леонтьев томился жаждою любви, мечтал о молодой, кроткой и послушной возлюбленной, – и Руднев получает такую в романе; Леонтьеву захотелось съездить в Петербург, – и Руднева на два месяца вызывает в Петербург хозяин завода... Законченного плана романа у Леонтьева в голове не было, он не знал, что будет с его героем дальше, но эти первые главы писались легко и делали его волшебником, – он исполнял свои мечты на бумаге.

Тургенев прочел начало романа очень быстро и нашел, что оно еще лучше, чем пьеса.

– У Вас большой талант, – сказал он обрадованному таким признанием Леонтьеву. – Руднев – совсем не похож на Киреева, это другое лицо. И описания природы у Вас очень милы... Заканчивайте Ваш роман и Вашу пьесу, я напечатаю их в Петербурге. Но не торопитесь! Не портите своего таланта! И в будущем не давайте редакторам эксплуатировать себя, – не беритесь писать фельетоны и всякую дрянь...

Через несколько дней Тургенев уехал в свое имение в Орловскую губернию, а Леонтьев – к матери в Кудиново, на летние каникулы. Константин приехал туда счастливым, – сознание своего *дара*, наличие которого было подтверждено признанным писателем, окрыляло его. Родные и знакомые, которым он, конечно же, рассказал о своих встречах с Тургеневым, смотрели на него с удивлением, – трудно заметить рождение таланта у близкого человека. Феодосия Петровна же отнеслась к перспективам литературной карьеры сына скептически. Но это не поколебало уверенности сына в своем таланте. Леонтьев провел замечательное лето – ездил на балы, устраиваемые соседями, флиртовал с Анночкой Лаптевой, с которой познакомился еще зимой в Москве, но между этими приятными занятиями не забыл о главном: он окончательно отделал за лето свою пьесу и послал ее Тургеневу. В конверт он вложил и начало поэмы, которую начал писать *гекзаметрами*!

Выбор этой стихотворной формы Леонтьевым удивляет, – одно дело, когда Гнедич с помощью такого размера перевел «Илиаду», и совсем другое – первая поэма 20-летнего юноши. Размер этот, специально сконструированный в русской литературе для переводов античной поэзии, вызвал полемику в литературных кругах – спорили о самом праве на существование русского гекзаметра. И хотя дань ему отдали и Жуковский, и Пушкин, и Дельвиг, выбор Леонтьева это не делает менее удивительным: гекзаметры – форма сложная, звучащая архаично; если с ее помощью прекрасно можно описать Ахиллеса и передать музыку стихов Гомера («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи:// Старца великого тень чую смущенной душой», – писал Пушкин *гекзаметрами* про перевод Гнедича), то описание жизни некоего современного Леонтьеву имения (видоизмененного Кудинова?) и садовника Якова, работавшего там, в таком виде приобретает забавный псевдо-эпический оттенок.

Тургенев ответил буквально на следующий день после получения посылки от своего молодого знакомого. Письмо было длинным, на несколько страниц! Иван Сергеевич не поле-

⁴⁴ Там же. С. 706–707.

нился подробно, с примерами, экскурсами в историю литературы, схемами и таблицами, разобрать недостатки леонтьевских гекзаметров. Видимо, хотя гекзаметры Леонтьева и были *плохи*, в стихах чувствовался «ясный и спокойный поэтический взгляд», потому Иван Сергеевич и предпринял труд такого анализа. Тургенев подсластил пилюлю своей критики, – объяснив, что Леонтьев не имеет понятия о гекзаметрах, он утешил его: «вы владеете языком, выражения ваши живы и счастливы – овладеть размером вам будет легко»⁴⁵.

В этом же письме Тургенев написал и об исправленной пьесе: «это сюжет не говорю несценический, но анти – драматический; интерес в нем даже не психологический, а патологический. Но со всем тем это вещь замечательная и оригинальная»⁴⁶. Иван Сергеевич обещал послать «Женитьбу по любви» в Петербург А. А. Краевскому – редактору и издателю «Отечественных записок». Более того, он собирался написать сопроводительное письмо и С. С. Дудышкину – критику «Отечественных записок», который со временем сменит Краевского на посту редактора, чтобы привлечь его внимание к начинающему автору. К августу, был уверен Иван Сергеевич, Леонтьев уже получит свой первый гонорар. Закончил письмо Тургенев так: «Пока будьте здоровы, работайте. Смею думать, что вы теперь не сомневаетесь в желании моем быть по мере сил полезным вам и вашему таланту; надеюсь, что со временем к чувству литературной симпатии прибавится другое, более теплое – личное расположение. Желая вам всего хорошего. Ваш покорный слуга Иван Тургенев»⁴⁷. На мой взгляд, поразительные слова из уст мэтра – по отношению к начинающему коллеге. Ни тени высокомерия, менторского тона, подчеркивания своего превосходства, но искреннее желание помочь. Иван Сергеевич повел себя не просто как литературный покровитель, но как старший друг, советчик и просто очень хороший, добрый человек. (Впрочем, он покровительствовал не только Леонтьеву, – Тургенев введет в литературные круги и Льва Толстого.)

Письмо окрылило Леонтьева. «Отечественные записки» были тогда одним из самых читаемых журналов в российском обществе, подписчиков у него насчитывалось более четырех тысяч. Цифра фантастическая для того времени, она может быть сопоставлена сегодня с миллионами зрителей какой-нибудь популярной телепередачи. Константин перечитывал строки Тургенева, представляя себе их автора, – такого красивого, плечистого, умного, что одна мысль о нем вызывала в душе двадцатилетнего мальчика чувство восторга. «Мне было приятно быть обязанным человеку, который мне так нравился»,⁴⁸ – вспоминал Леонтьев.

Леонтьев строил планы своей будущей жизни: он серьезный врач, известен не только тем, что лечит «счастливо», но и тем, что пишет, и пишет хорошо, без спешки, по роману в два-три года, и романы эти не проходят незамеченными, а повести тут же с радостью публикуются столичными журналами. Совсем отойти от нелюбимой медицины и заняться литературным трудом Леонтьев не хотел, – не было тургеневского состояния. Ему сразу представлялся «жалкий» сотрудник многих журналов в поношенных ботинках и потертом сюртуке, бегающий по редакциям в надежде заработка. Нет, он предпочитал заниматься литературой не для денег, а для самовыражения...

Константину никто не мешал мечтать в то лето, – старшие холостые братья не приехали погостить в Кудиново. Леонтьев никогда не был с ними близок, а сейчас и вовсе был рад их отсутствию, – в его голове зародилась мысль о том, что поэт, писатель, не должен иметь семьи. Гуляя по аллеям кудиновского имения, он понимал, что в придуманной им красивой жизни может найтись место для благородной, умной матери, для смиренной и набожной, обожающей его горбатой тетушки, для стареющей няньки, для мужиков и дворни (они характерны и живо-

⁴⁵ Там же. С.711.

⁴⁶ Там же. С. 714–715.

⁴⁷ Там же. С. 715.

⁴⁸ Там же. С. 715.

писны), но не для братьев! В братьях нет поэзии! Для Константина и здесь эстетическая оценка была главной: братья были ни то, ни се, и им в его картинке места не находилось. У Тургенева, правда, был брат (зачем он ему?!), но в своем орловском имении Иван Сергеевич писал и жил один. . . Такое отношение к родным надолго осталось в сознании Леонтьева, – не случайно спустя годы между Леонтьевым и братьями произошел окончательный разрыв. Потребовался христианский переворот в его душе, чтобы он ощутил, что смирение перед Божьей волей проявляется, в том числе, в принятии своих родных, которых там сам не выбираешь. . .

Во время прогулок по кудиновским тенистым аллеям он решил порвать с Алексеем Георгиевским. Давно это дружба уже не столько утешала, сколько мучила его, но прекратить дружеские отношения он не решался: где он найдет себе такого умного собеседника? С кем будет рассуждать об Онегине, Печорине и Бельтове и о том, на кого лучше походить самому? Кто будет делить с ним его интеллектуальные запросы? С появлением в его жизни такого прекрасного, тонкого, умного Тургенева надобность в ядовитом Георгиевском ослабла. Леонтьев поверил в то, что теперь сможет найти себе «собеседников наивысшего порядка». Решение разорвать с другом созрело летом, но осуществил его Константин уже в Москве. Реальный толчок к этому дало знакомство с Тургеневым, но и формальный повод, судя по воспоминаниям Леонтьева, тоже был связан с ним.

В один из сентябрьских вечеров Георгиевский пришел к Леонтьеву на Пречистенку. У того уже сидел приятель – тоже молодой человек из калужской губернии, наполовину француз, Эжен Р. Георгиевский в своей развязной манере начал задирать Леонтьева:

– Как ты там не толкуй, молодой писатель, а твой Тургенев мелкопоместен. Вот, например, его «Бежин луг»... К чему там столько описаний облаков? Не иначе, хочет побольше гонорару взять.

– Что ты говоришь! Он получает по 50 рублей за лист, за все это описание, может, рублей пять всего и выйдет! А у него больше тысячи душ крестьян, нужны ему твои пять рублей! – горячился оскорбленный таким отзывом о своем кумире Леонтьев.

– Да и вообще, прочел вот я недавно графа Соллогуба «Аптекарьшу» и «Наташу». Вот это чувство, и искренность, и простота, и художественность настоящая! А у Тургенева все какие-то штучки вроде комизма и юмора, как будто что-то гоголевское. Ну да куда ему! Далеко кулику до Петрова дня! – продолжал Георгиевский, явно желая сделать Леонтьеву больно. – Я думаю, что он никогда не будет в силах написать длинную и серьезную вещь⁴⁹. Вот Писемский – хоть тебе и не нравится его «Тюфяк» – а все скорее Тургенева создаст объективное и сложное произведение!

Леонтьев, не желая начинать перепалки, ответил только, что не согласен с мнением Георгиевского и не все даже из сказанного им понимает. Тогда Алексей, прицепившись к «непониманию», тут же продекламировал с выражением эпиграмму собственного сочинения на их общего знакомого, писавшего лирические стихи:

Ты многого не понимаешь,
И многого, быть может, не поймешь!
Ты только то порядочно поешь,
Что сам в себе лишь замечаешь!

И хотя, заметив неудовольствие в лице Леонтьева, он тут же исправился, что последние строчки к Константину неприложимы, и даже моментально изменил их – «ты многое со временем поймешь, // Чего теперь не замечаешь» – эпиграмма по смыслу идеально подходила к

⁴⁹ Романы Тургенева («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», др.) начали публиковаться позднее – после 1855 г.

Леонтьеву. Иваск, один из биографов Константина Николаевича, немало страниц посвятил его «нарциссизму». Для этого существовали, конечно, основания: Леонтьев был центром своей вселенной и даже не пытался этого скрывать.

Константин после обидных слов друга о Тургеневе и о себе вскипел, но сдержался: он не хотел говорить с Георгиевским об их отношениях при третьем человеке. Потому он вызвался проводить Георгиевского до ворот. В темном дворе, залитом лунным светом, Леонтьев, протянув Алексею руку на прощание, сказал:

– Я прошу тебя никогда больше ко мне не ходить и, встречаясь, не заговаривать даже со мной, а оставить меня в покое.

Георгиевский молча пожал руку Константину и ушел. Так закончились отношения с этим человеком, оказавшим очень большое влияние на Леонтьева. Правда, позднее Константин Николаевич назвал эту дружбу «сердечным и умственным рабством»⁵⁰, никогда более не повторившимся в его жизни.

Разумеется, молодые люди встречались в университете. Поначалу Леонтьева раздражал даже звук голоса бывшего друга, его манера покашливать время от времени. Если в лекционной аудитории раздавалось такое покашливание, Леонтьев вскипал и «исполнялся злобою»⁵¹. Но постепенно Константин стал равнодушен к Георгиевскому. Один раз тот попытался восстановить былые отношения. Алексей подошел к Леонтьеву и сказал:

– Ты так поправился, посвежел... Я очень рад!

– Да, я стал лучше себя чувствовать, – ответил Леонтьев и тотчас отошел от Георгиевского, не желая продолжать беседу. После этого краткого разговора они перестали даже раскланиваться при встрече.

Тургенев не занял места Георгиевского в душе Леонтьева, несмотря на искреннее восхищение того старшим другом – «Тургенев не имел на меня и десятой доли его (Георгиевского – О.В.) умственного влияния»⁵², – признавал Леонтьев. Впрочем, Леонтьев не раз «примерял» Тургенева к своей жизни: понравилось бы то или это Тургеневу, если б он оказался рядом? Такой «аршин» совершенно не касался в воображении Леонтьева гражданской позиции Тургенева, нет, он имел у Леонтьева опять-таки эстетический вид: Кудиново барину Тургеневу понравилось бы – небогато, но со вкусом, «красивее и милее, чем у многих богатых», а вот старшие братья – вряд ли, «нет, нет, они не могут нравиться человеку с высоким вкусом»⁵³! Так, сам того не подозревая, Тургенев влиял на личную жизнь своего литературного протеже.

Осенью 1851 года Леонтьев не раз виделся с Тургеневым. Он приходил к нему в гостиницу Мореля на Петровку, они беседовали. Благодаря Ивану Сергеевичу молодой студент-медик вошел в литературный московский *бомонд*: Тургенев ввел его в литературный салон Салиас-де-Турнемир на Садово-Кудринской, представил графине Ростопчиной, познакомил с поэтом Н. Ф. Щербиной, известным историком Т. Н. Грановским и редактором университетской газеты «Московские ведомости», критиком, переводчиком и публицистом М. Н. Катковым (в будущем Катков стал редактором и «Русского вестника», с которым Леонтьев долго сотрудничал). В салоне Евгении Тур Леонтьев дважды видел ее брата – драматурга А. В. Сухово-Кобылина, чья слава тогда подогревалась не только успехом «Свадьбы Кречинского», читавшейся во многих литературных кружках, но и мыслью о том, что пьеса эта была написана в *тюрьме*⁵⁴.

⁵⁰ Леонтьев К. Н. Тургенев в Москве. С. 725.

⁵¹ Там же. С. 724.

⁵² Леонтьев К. Н. Тургенев в Москве. С. 725.

⁵³ Там же. С. 729.

⁵⁴ А. В. Сухово-Кобылин был обвинен в убийстве своей любовницы, француженки Луизы Симон-Деманш, семь лет находился под следствием, дважды арестовывался и, в конце концов, был отпущен в связи с отсутствием каких-либо доказательств вины.

Некоторые знакомства были «запланированы» Тургеневым, некоторые произошли случайно. Так однажды Леонтьев познакомился с В. П. Боткиным: Константин сидел в гостиной у Тургенева, беседа шла, конечно же, о литературе – мэтр советовал Леонтьеву читать как можно больше и чаще Пушкина и Гоголя, даже не читать, а *изучать* их.

– А нас-то всех – меня, Григоровича, Дружинина – пожалуй, можно и не читать, – прибавил самокритично Тургенев.

Пушкиным Леонтьев восхищался; в гимназические годы Пушкин безусловно царил в его сердце над всеми поэтами. Но в последние годы ему куда больше нравился страстный и резкий Лермонтов, светлые же, примиряющие с миром стихи Пушкина стали казаться легковесными. Мнение Тургенева, разумеется, не изменило его позиции сразу, но заставило задуматься. Позднее он благодарил Ивана Сергеевича за это.

А вот с Гоголем было сложнее – его зрелые сочинения вовсе не нравились Леонтьеву. Гоголь жил в то время в Москве, но Леонтьеву даже в голову не приходило попытаться с ним познакомиться, – Гоголь вызывал у него «личное нерасположение». И лицом он на неприятного полового смахивает... И женщины в его произведениях на живых женщин не похожи – или старухи вроде Коробочки и Пульхерии Андреевны, или какое-то отражение красивой плоти, не имеющей души, тени, вроде Анунциаты из «Рима». Нерасположение Леонтьева к Гоголю было вызвано «Мертвыми душами» и «Ревизором» – «за подавляющее, безнадежно прозаическое впечатление», которое производили на Леонтьева эти гоголевские сочинения. Эстету-Леонтьеву претила манера Гоголя обнажать убожество жизни. Даже фамилии гоголевских героев – Держиморда, Яичница, Подколесин – казались излишне уродливыми. Он спорил о Гоголе еще с Георгиевским, восхищавшимся гоголевским талантом. Леонтьев признавал «художественность» произведений Гоголя, но его отталкивала созданная в них писателем реальность: она была еще безобразнее, грубее, *пошлее*, чем действительная жизнь. «Я слишком многое любил в русской жизни», – замечал Леонтьев, объясняя, почему он не мог согласиться с гоголевским ее описанием.

– Но вспомните, в конце концов, его «Вия», «Тарасу Бульбу», – спорил с Леонтьевым Тургенев. – У Гоголя много романтики, а его описания природы прекрасны!

– Да, *эти* повести восхитительны, – нехотя согласился Леонтьев, – но поздние его сочинения совсем иные...

В время разговора в дверь постучали. Леонтьев с раздражением повернулся на стук.

– Войдите, – сказал Тургенев.

В комнату вошел невзрачный мужчина средних лет, бледный, со лбом, переходящим в лысину («плешивый» – напишет Леонтьев). Тургенев представил их друг другу:

– Это Леонтьев, молодой начинающий писатель, а это – Боткин, писатель старый...

– Да, старый, совсем старый, – подхватил Боткин с усмешкой, – уж облысел...

Плешивых Леонтьев не жаловал. С другой стороны, он помнил, с каким восторгом год назад прочел в «Современнике» серию очерков Боткина – «Письма об Испании». Но эстетическое восприятие победило, – Леонтьеву даже стало досадно, зачем такой невзрачный человек побывал в поэтической Испании. «Тургенев и Сухово-Кобылин могли там жить, – подумал Леонтьев, – но не человек с такой наружностью...»⁵⁵ Некоторое время спустя, встретив Боткина, молодой человек нахально, но с невинной улыбкой задал огорошивший писателя вопрос:

– А Вы на самом деле бывали в Испании?

От такой дерзости начинающего автора Боткин растерялся и не знал, что ответить. Разумеется, он обиделся, хотя и не показал вида. Леонтьев считал, что эта обида повлияла на отношение Боткина к леонтьевским сочинениям в будущем.

⁵⁵ Там же. С. 730.

Новые знакомства льстили самолюбию молодого автора, – он уже чувствовал и себя *писателем*. Посланная Тургеневым в «Отечественные записки» пьеса Леонтьева была восторженно принята Дудышкиным, и отзыв известного критика еще больше укрепил веру Константина в свой талант. Увы! Публикация не состоялась из-за цензурного запрета, – в декабре об этом написал из Петербурга Тургенев. (Ирония судьбы видна в том, что спустя 30 лет сам Леонтьев станет служить цензором!) Вряд ли в своей пьесе 22-летний автор «потрясал основы», просто это было время чрезвычайно и подчас необъяснимо строгой цензуры, введенной Николаем I.

История того времени сохранила множество парадоксальных и подчас забавных случаев «радения» цензоров. В феврале 1851 года, например, Главное управление цензуры подняло вопрос о цензуровании нотных знаков, под которыми якобы могут быть сокрыты «злонамеренные сочинения, написанные по известному ключу». А в 1852 году цензоров насторожило, что многие лошади, участвующие в скачках, названы именами святых (Магдалина, Аглая, Самсон и т. д.). Не компрометируются ли этим святые? Цензура того времени судила не только о политике, но и обо всех вопросах жизни общества. Особым вниманием окружались вопросы нравственности. Видимо, «Женитьба по любви» Леонтьева была признана безнравственной и вредной, – впрочем, на закате жизни, автор и сам согласился с такой оценкой своей пьесы. Современному читателю судить об этом уже невозможно: рукопись пьесы не сохранилась.

Неудача с первой пьесой несколько обескуражила, но не слишком расстроила Леонтьева, – он не сомневался в том, что впереди у него немало пьес, повестей, романов. Да и Тургенев ободрял, призывал не унывать, работать. (Хотя в одном из писем к своему близкому другу, П. В. Анненкову, Тургенев, давая характеристику Леонтьеву, признал не только его талант, но и «сладоострастное упоение самим собой», самолюбие, «исковерканность»). Более того, он обещал договориться с редакцией «Современника» о возможности выдачи Леонтьеву некоторой суммы авансом, в счет будущих публикаций. Так что, Леонтьев, еще два года назад мучившийся мыслями о том, что «не успеет расцвести», встретил наступающий новый 1852 год уверенным в себе. «Конец 51-го и весь 52-й год – это было в моей юношеской жизни время вообще довольно хорошее; – вспоминал Леонтьев, – многое разом в эти полтора года неожиданно улыбнулось, многое улучшилось, просветлело, и сам я почти внезапно стал как-то крепнуть, мужать и смелеть...»⁵⁶

В феврале 1852 года получил Леонтьев очередное письмо от Тургенева. Иван Сергеевич сетовал на то, что финансы «Современника» истощены, и предлагал взять займы рублей 100 у него. Просил он и прислать готовые главы «Булавинского завода» – возможно, их удастся печатать отрывками. Сто рублей! Сумма для молодого человека заманчивая... А отдать ее он, конечно, легко сможет – гонорары не заставят себя ждать. И Леонтьев принял предложение Тургенева ссудить его деньгами. Вместе с просьбой о деньгах он послал Ивану Сергеевичу и план своего романа, чтобы тот выбрал, какие отрывки могут быть напечатаны отдельно. Тургенев, посмотрев внимательно план, от своей идеи отказался, – роман нельзя было «расчленить» без потерь, да и через цензуру отрывки не прошли бы (Константин Николаевич в старости и этот свой роман называл «безнравственным»). Потому Тургенев напомнил юноше о задуманном небольшом рассказе, – если бы Леонтьев закончил его и прислал в Петербург, Иван Сергеевич постарался бы «пристроить» текст в журнал.

Но все хорошо не бывает никогда: подвело здоровье. Зимой Константин серьезно хворал. Опять болела грудь, мучил кашель, мешала слабость. Весну он провел в Кудиново, надеясь, что родные стены и свежий воздух помогут ему. Отчасти так и произошло. Он даже съездил летом в Нижегородскую губернию, – отдохнуть. Но, когда Леонтьев осенью попытался сдать экзамен за третий курс, то провалился, – слишком много он пропустил занятий. Потому осень 1852 года он вновь начал студентом того же третьего курса.

⁵⁶ Там же. С. 743.

Сто рублей от Тургенева, хоть и с опозданием, пришли. Иван Сергеевич был отзывчив и деликатен, как всегда: «С удовольствием исполняю Вашу просьбу и посылаю Вам 100 р. сер. Я бы Вам выслал все 150 р., да хлеб у нас еще не продается по причине низких цен. С нетерпением ожидаю обещанной повести и как только прочту ее, пошлю к Краевскому. Будем надеяться, что цензура не окажется слишком строгою и Вам Ваши «Немцы» принесут и деньги, и известность»⁵⁷. Леонтьев в это время стал отделять повесть о школьном учителе с первоначальным названием «Немцы» (а роман на время – а потом и навсегда – был отставлен в сторону). В основу этого произведения он положил свои воспоминания о годах в калужской гимназии. Автор рассказывал об ухаживаниях двух немцев – молодого и пожилого – за девушкой (тоже наполовину немкой) и о том, как одному удалось похитить избранницу, а второй – добрый и смешной учитель гимназии, которому автор явно симпатизировал, – сошел от этого известия с ума. Повесть была немного старомодной, но характеры были выписаны ярко и полно, причем Леонтьев сохранял «дистанцию» при изложении сюжета, что вообще-то не свойственно молодым авторам – обычно они не способны держаться отстраненно от описываемых событий. Леонтьев чувствовал, что повесть удалась и не сомневался в ее успехе.

Былая тоска и меланхолия, казалось, совершенно покинули его. Конечно, главным моментом в изменившемся мироощущении стала дружба с Тургеневым. Но было и еще кое-что – тоже очень важное. Отношения Леонтьева и Зинаиды Кононовой («хитрой» и «хорошо пахнувшей») определились: Леонтьев еще иногда сомневался, любит ли он Зинаиду всей душой, но ее любовь к себе он чувствовал ясно. Константин стал спокойнее и увереннее в себе. Даже занятия медициной перестали тяготить его, – «я с радостью готов был трудиться над медициной по утрам, чтобы иметь возможность потом запереться и писать, что хочу. Любовь моя также заставляла меня больше трудиться на лекциях. – Приданое у этой девушки было не велико, и я думал много о необходимости кончить хорошо курс, чтобы жениться»⁵⁸.

Будущее рисовалось ему в радужном свете: преуспевающий врач, всегда хорошо одетый и элегантно живущий, известный умением лечить и своими романами и повестями. Рядом с ним – красивая светская жена... Он начал всерьез думать о том, чтобы жениться на Зинаиде – подобное развитие событий было бы самым естественным – и написал о своих планах матери. Реакция Феодосии Петровны была резко отрицательной: Константину предстояло еще два с лишним года учиться, невеста была небогата, казалась Феодосии Петровне лукавой, да и старше сына была на два года...

Тургенев же, услышав от Леонтьева известие о том, что тот любит, любим и думает о браке, испугался за молодого друга:

– Не хорошо художнику жениться. Если служить музе, – то уж ей одной, остальное надо приносить в жертву... Еще несчастный брак может способствовать развитию таланта, а вот уж счастливый никуда не годится!

Хорошо пахнущая Зинаида была необходима как воздух, но вдруг Тургенев прав и счастливый брак убьет его талант? Тургенев подлил масла в огонь:

– Я, например, вообще не понимаю любви к девушке, – я люблю больше женщину замужнюю, опытную, свободную, которая может легче располагать собою и своими страстями... А с вашей внешностью вы могли бы сводить с ума многих женщин, что гораздо было бы лучше для вашего таланта!

Тургенев отрицательно относился к браку. Был момент в его жизни, когда женитьба могла бы состояться – речь идет о Татьяне Бакуниной, сестре знаменитого теоретика анархизма. Он, несомненно, был влюблен в нее (именно это чувство продержало его душевно несколько лет

⁵⁷ Письмо И. С. Тургенев к К. Н. Леонтьеву от 12(24) декабря 1852 г. // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти томах. Письма в 18-ти томах. Изд. 2-е. Т. 2. – М.: «Наука», 1982. С. 182.

⁵⁸ Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. С. 43.

рядом с Татьяной – вплоть до встречи с Полиной Виардо), но так же несомненно, что Тургенев несколько отстраненно относился к этим сложным многолетним отношениям и мысль о семейных узах его не посещала. «С ранних лет невзлюбил Тургенев брак, семью, «основы», – отмечал в своей биографии Ивана Сергеевича другой известный русский писатель – Борис Зайцев. – ... Во всех противоречиях его облика есть одна горестно-мудрая, но последовательная черта: одиночество, «не-семейственность»⁵⁹. Даже единственный ребенок Тургенева, дочь, родилась вне брака, от его связи с дворовой девушкой. Поэтому намерение Леонтьева жениться не могло встретить у Ивана Сергеевича поддержки.

Полученные от Тургенева сто рублей (казавшиеся студенту большими деньгами) ждали своего применения. С одной стороны, Леонтьев тогда ни в чем особенно не нуждался. С другой, – карманных денег у него почти не бывало, и тургеневской ссуде он искренно обрадовался. Как потратить деньги? Пораскинув умом, Константин решил навестить Тургенева в его орловском имении, чтобы иметь возможность поговорить с ним «на свободе», не спеша. Мысль эта настолько завладела воображением Леонтьева, что, не предупредив о своем приезде даже самого Ивана Сергеевича, он в святки (в январе 1853 года) отправился в тургеневское имение Спасское-Лутовиново. С собою Константин прихватил рукопись законченной повести о соперничестве двух немцев.

Липовые аллеи, ведущие к родовому имению Тургенева, и старинный парк были по-зимнему голы и грустны; пруды замерзли и были заметены снежной порошей; в большом, изогнутом подковой доме, уставленном ампирной мебелью, жил управляющий имением со своей большой семьей. Сам Иван Сергеевич разместился в одноэтажном деревянном, обложенном кирпичом флигеле. Тургенев отбывал в Спасском ссылку, – он был в то время под надзором полиции после публикации запрещенного цензурой некролога на смерть Гоголя и не мог выезжать за пределы Орловской губернии. Приезд Леонтьева был для него неожиданностью, но принял гостя Иван Сергеевич радушно. Леонтьева поселили в том же флигеле, в комнате с окнами в зимний сад; повар у Тургенева был «порядочный» (Иван Сергеевич ценил тонкую кухню); по вечерам семья управляющего поила Леонтьева и Тургенева душистым чаем, – четыре дня в Спасском пролетели незаметно. Он отдал своих «Немцев» Тургеневу, – тому повесть понравилась. Спустя несколько дней и внеся некоторую правку в текст, Иван Сергеевич отослал рукопись Краевскому, а в письме к Анненкову, назвал ее «необыкновенно замечательной повестью»⁶⁰, – Тургенев был щедр душой, «протезировал» Леонтьеву искренно, был готов поддержать молодого собрата по перу.

Леонтьев ждал публичного признания своего таланта, – Тургенев же, судя по воспоминаниям Константина Николаевича, призывал его не торопиться, работать над каждой вещью в полную силу:

– Никто из нас не знает, выйдет ли из него Гете или Шекспир. Но надо всегда метить как можно выше, быть строгим к себе. Не думайте, пожалуйста, что можно шутить с публикою – написать, как Вы говорите, «что-нибудь полное лжи и лести» для денег – а потом показаться в настоящем свете. Знайте: публику не надуешь ни на волос – она умнее каждого из нас! Знайте также, что, принося ей всего себя, всю свою кровь и плоть, Вы должны быть еще благодарны ей, если она поймет и оценит Вашу жертву – если она обратит на Вас внимание. И это понятно, скажу более, это справедливо. Не Вы ей нужны, она нужна Вам, Вы хотите завоевать ее – так напрягайте все Ваши силы. Я этим не хочу сказать, что Вы должны угождать ей, служить ее вкусам – нет, будьте тем, чем Вас Бог создал, отдавайте всё, что в Вас есть, – и если Ваш талант оригинален, если Ваша личность интересна, публика признает Вас и возьмет Вас и будет

⁵⁹ Зайцев Борис. Жизнь Тургенева. – Париж: YMCA-Press, 1949. С. 56.

⁶⁰ Письмо И. С. Тургенева к П. А. Анненкову от 29 января 1853 г. // Тургенев И. С. Письма. Т. 2. С.195.

пользоваться Вами – как, например – в другой сфере деятельности – она приняла гуттаперчу, потому что она нашла гуттаперчу вещь полезной и сподручной.

– Но цензура, как быть с ней?

– Не искажайте своих задушевных мыслей и предначертаний в видах ценсурных, но старайтесь найти предметы безобидные – описание жизни на хуторе, кажется, никого оскорбить не может. Этот сюжет безопасен...

Речь шла о новом рассказе Леонтьева – «Лето на хуторе». Начало его Тургенев уже прочел и одобрил. План литературного «покровителя» был таков: отдать «Немцев» в «Отечественные записки», а «Лето на хуторе» отослать в «Современник». «Вот у молодого автора и вырастут крылья», – рассуждал Тургенев.

К сожалению, цензура заставила поволноваться Леонтьева и во второй раз: «Немцев» не пропустили. Краевский, приехав в Москву по делам, пригласил Леонтьева к себе в гостиницу Мореля и показал молодому человеку листы его повести, испещренные пометками цензоров. Причиной запрета было впечатление, сложившееся у двух цензоров⁶¹, что автор симпатизирует немцам, что немцы в повести – слишком положительны, честны и серьезны, вот цензоры и сделали вывод о предпочтении автора немцев русским. Забавным было то обстоятельство, что один из цензоров, судя по фамилии (Фрейганг), был немцем! (Может, именно поэтому он хотел продемонстрировать свой русизм?) Удивительно, но Леонтьев опять не слишком сильно расстроился: повесть была им написана *играючи*, к тому же, он был уверен, что впереди его ждет слава, задержка не испугала его.

После летних вакаций 1853 года, во время которых он вновь съездил в Нижегородскую губернию (вместе с Зинаидой Кононовой), он закончил небольшой очерк – «Ночь на пчельнике», который послал Краевскому. Публикация и этого сочинения была задержана цензурой (в очерке упоминался рекрут, что было сочтено непозволительным в связи с имевшими место рекрутскими наборами перед намечавшейся войной), и эта вещь увидела свет лишь через два года. Но очерк был *безделицей* по сравнению с запрещенными «Немцами».

Делу помог Тургенев. Вернувшись в декабре 1853 года из ссылки в Москву, он рассказал об истории с цензурным запретом графине Салиас де Турнемир, которая благоволила молодому Леонтьеву. Та передала возвращенную Краевским рукопись редактору «Московских ведомостей» Михаилу Никифоровичу Каткову, которому повесть понравилась. Название ее изменили – она стала «Благодарностью» – и опубликовали в литературном разделе «Московских ведомостей» в 1854 году, с шестого по десятый номер. Это была первая публикация Леонтьева! Он был горд и счастлив получить книжки журналов со своей повестью и около 75 рублей гонорара. Но публикация прошла незамеченной, да и имя Леонтьева не стало после нее узнаваемым – он подписал повесть лишь инициалами.

Леонтьев стал иногда бывать в доме Каткова. Константин смотрел на него с невольным сожалением: у *бедного* Каткова отобрали университетскую кафедру, он редактировал бесцветную газету; его жена худа, с большим носом, высокими плечами; квартира Катковых имела вид труженический, а халат хозяин носил самый обыкновенный. Михаил Никифорович был (по мнению Леонтьева) уже не молод (ему в тот момент исполнилось 36 лет), жена его выглядела гораздо хуже душистой и страстной Зинаиды... Леонтьев не только не ощущал себя зависимым от редактора неизвестным молодым автором, наоборот, он чувствовал свое превосходство над Михаилом Никифоровичем, которое смешивалось в душе с ноткой жалости к *увядающему* Каткову...

Жизнь распорядилась иначе: слава Каткова как публициста была еще впереди, издаваемые им «Московские ведомости» спустя 10 лет стали одной из самых влиятельных и тиражных российских газет; сам же Леонтьев в литературе долгие годы был зависим от Михаила Ники-

⁶¹ Цензорами были А. И. Фрейганг и А. Л. Крылов.

форовича. Эстетическая оценка Леонтьева тут дала сбой. Но, к его чести, он и сам признал это в воспоминаниях, приводя слава английского консула в Турции том, что «в России два императора – Александр II и мосье Катков». Впрочем, Катков на пике своей известности и вовсе перестал ему нравиться.

Леонтьев был молод, красив, талантлив, любим, принят в литературных салонах, знаком со знаменитостями... Голова его не могла не закружиться! «Все продолжали меня хвалить и ободрять», – вспоминал он позднее. – «Смолоду я даже жалел беспрестанно то Каткова, то Кудрявцева, то мад. Сальяс, то, пожалуй, и самого Грановского изредка, соболезновал, думая, как им должно быть жалко и больно, что они не я, что они не красивый и холостой юноша Леонтьев, доктор и поэт с таким необозримым будущим, с такой способностью внушать к себе любовь и дружбу и т. д.»⁶²

Показателен случай, произошедший в салоне Евгении Тур. Тургенев, которого посещали в то время печальные мысли о конце литературной карьеры, полулежа на диване («в темно-зеленом бархатном сюртуке» – вспоминал Леонтьев, оставаясь верным своему эстетическому восприятию действительности), рассуждал о судьбе писателя:

– Главное дело для писателя – умение вовремя слезть из седла. Садиться в седло ему страшно, он не умеет. Потом он научается управлять конем и собой, ему становится легко. Но приходит время даже более трудное, чем начинать: как понять, что пора уйти со сцены с достоинством?

Любопытно, что Иван Сергеевич думал о завершении своей писательской карьеры перед тем, как были опубликованы его главные романы – «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети». Не были еще напечатаны и его знаменитые повести «Ася», «Вешние воды»... До окончания творческого пути было так далеко! Но Тургенев, рассуждая о поисках *нового слова* в русской литературе, самокритично заметил:

– Ни от меня, ни от Гончарова, ни от Писемского нового слова уж не дождетесь... Его могут сказать лишь двое молодых людей, от которых много надо ожидать: Лев Толстой и вот этот, – Тургенев указал на Леонтьева.

«Я даже не покраснел и принял это лишь как должное»⁶³, – вспоминал Леонтьев. Тургенев – тонкий ценитель и знаток литературы, через его руки прошли произведения многих авторов, и факт, что он выделил именно эти два имени, ясно говорит: он почувствовал в молодых писателях несомненный и большой дар. Лев Толстой тогда только начинал, опубликовав рассказ «Набег» и первую часть своей трилогии «Детство». Тем не менее, его манера писать сразу обратила на себя внимание Ивана Сергеевича. Видимо, он чувствовал не менее сильное дарование и в Леонтьеве. В начале литературного пути Леонтьев подавал большие надежды, многие – не только Тургенев! – прочили ему известность.

Даже деньги, от отсутствия которых Константин так страдал в первое время в Москве, перестали быть жгучей проблемой: Леонтьев вспоминал, как Тургенев, уговаривая его не торопиться с печатанием неотделанных вещей, предложил ему 175 рублей займа на неопределенный срок; «Краевскому я написал только два слова и он выслал мне 50 рублей, – рассказывал Леонтьев. – Потом мне для одной простенькой любовницы зандобилось еще, – я поехал на три дня в Петербург, и он, ни слова не говоря, дал еще 150 рублей»⁶⁴. Действительно, в феврале 1853 года Леонтьев побывал в Петербурге, – он привез Краевскому три отрывка из «Лета на хуторе» и получил аванс за эту повесть. Все были уверены в будущем успехе молодого дарования, в том, что деньги он скоро заработает публикацией новых произведений.

⁶² Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. (1875-1875). Р. 65.

⁶³ Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. С. 53.

⁶⁴ Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. (1875-4-1875). Р. 136.

Интересно и упоминание любовницы. Скорее всего, речь идет о его связи с горничной, ставшей прототипом героини «Лета на хуторе». Горничная, конечно, не могла стать серьезной соперницей Зинаиды Кононовой, но с мыслями о женитьбе все было уже не так однозначно. В этом же 1854 году Леонтьев встал перед важным выбором: оставить Зинаиду или жениться на ней? За кокетливой и яркой девушкой стал ухаживать некто Алексей Остафьев, который был не только старше Леонтьева, но и на социальной лестнице стоял выше его – он был предводителем дворянства Нижегородского уезда. Спустя некоторое время Остафьев посватался к Зинаиде. Остафьев был хорошей партией для девушки, хотя она его не любила.

В один из дней Леонтьев и Остафьев оказались в доме Кононовых одновременно. Оставшись с Константином в комнате наедине, Зинаида подтолкнула его к решению:

– Я готова ждать, пока ты окончишь курс. Если ты мне скажешь, что через год будешь любить меня так же, как и теперь, я откажу Остафьеву.

Леонтьев задумался. Ему представился бедный дом, дети, тяжелый труд, чтобы содержать семью, подурневшая Зинаида, – он даже вспомнил о разнице в возрасте и о неприязни Феодосией Петровной девушки в качестве невестки... А как же талант? Литература? Будущая слава? Он решил быть твердым.

– Теперь я тебя люблю. А что будет через год – не знаю. Выходи за него, – ответил Константин.

Зинаида была достаточно сильна и умна, чтобы не показать своего отчаяния. Она молча поцеловала Леонтьеву руку, вышла из комнаты и тут же дала согласие на свадьбу Остафьеву, который беседовал в соседней комнате с ее теткой.

Решение далось Леонтьеву нелегко. Оказавшись в своей квартире, он даже дал волю слезам. «Я... плакал и рыдал два часа подряд после этого, вовсе уж как ребенок или как женщина»⁶⁵, – вспоминал Леонтьев. Константин понимал, что в его собственной жизни зияет теперь страшная пустота, что он должен привыкнуть к отсутствию ощущения, что любим... К тому же, родные и знакомые Леонтьева, которые знали в той или иной степени об их отношениях с Зинаидой (а таких было не мало – ведь роман продолжался почти четыре года!), решили, что девушка предпочла более выгодную партию, и искренно жалели молодого человека. Это тоже было мучительно: «Я прошу кого угодно встать на место самолюбивого влюбленного, очень изошренного в мысли и неопытного на деле двадцатитрехлетнего юноши и спросить себя, каково ему было? И какими болями всех родов отзывалась эта жертва всепожизненной страсти на алтаре Свободы и Искусства?»⁶⁶ – вопрошал постаревший Леонтьев.

Ему действительно было очень тяжело, – Зинаида Кононова стала одной из самых сильных привязанностей в его жизни, но это была не жертва, а осознанный выбор. И вряд ли дело было лишь в любви к искусству: Леонтьев не чувствовал готовности взять на себя ответственность за семью, ограничить свою свободу, не был способен принять возлюбленную не только «в шелках», но и в заштопанных чулках. И, несмотря на страдания, о сделанном выборе он никогда не сожалел! Позднее, в романе «В своем краю» один из персонажей – Милькеев – рассказывает историю любви Леонтьева к Зинаиде Кононовой как свою. Слушающая его девушка, узнав, что Милькеев побоялся материальной неустроенности и потому не женился на возлюбленной, выносит приговор: «Значит, вы ее не любили!» Интересен ответ Милькеева на это категоричное замечание: «Может быть, – сухо отвечал Милькеев. – ...Я знаю только вот что, что через два года я был на другом конце России и сидел раз у камина с молодой вдовой... Она меня любила; красивее той была в десять раз; я любовался на нее и на камин, а сам думал: «нет, это все не то!» Через три года повернул раз за угол на улице, и вдруг лицом к лицу встретил высокую, круглолицую женщину с прекрасными серыми глазами и в точно такой соломенной

⁶⁵ Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба. С. 62.

⁶⁶ Там же. С. 60.

шляпке с лиловыми лентами, как у нее была. Ноги задрожали, и сердце дрогнуло! А все-таки прекрасно сделал, что не женился. Теперь у нее много детей. Что бы я делал?!»

Зинаида тоже страдала и, видимо, до самого дня свадьбы надеялась на что-то... Во всяком случае, уже после обручения у нее состоялось последнее свидание с Леонтьевым – в саду, куда она пошла вместе с сестрами. Сестры уехали кататься на лодке, чтобы оставить влюбленных наедине, и они долго прощались в беседке. Зинаида дрожащими губами говорила:

– Я постараюсь стать ему хорошей женой, – чем он, бедный, виноват! Но если мне станет очень трудно – я напишу тебе, а ты ответишь мне правду: любишь ли по-прежнему, и если да, то я приеду к тебе *так* жить...

Но и после этих слов Леонтьев не упал на колени, не стал просить ее руки...

Московская жизнь после разрыва с Зинаидой стала Леонтьеву не мила. Его раздражал сочувственный тон родных, казались докучными университетские занятия, свободного времени оказалось непривычно много... Он даже лег в больницу, – так плохо ему было не только психологически, но и физически... Когда правительство, видя недостаток в военных докторам, предложило студентам-медикам четвертого курса, пожелавшим поехать на войну, получить диплом досрочно, Леонтьев за эту мысль ухватился как за спасение. Пусть война! Пусть опасности! Он не может оставаться здесь и влачить прежнее существование! Тургенев советовал ему «бросаться в жизнь», – он последует его совету и поедет в Крым военным лекарем. Катков тоже одобрил его решение:

– В Крыму вы окуритесь порохом, поживете широкой действительной жизнью... Это так важно для писателя!

В результате Леонтьев написал бумагу о своем намерении университетскому начальству. Он был не один, – желающих испытать себя на военном поприще нашлось немало.

Родные отговаривали его. Один из братьев, Николай, сам служивший на Кавказе, советовал отказаться от своего намерения в силу врачебной неопытности: как ты с твоей гуманностью будешь делать операции и ампутации, зная, что не подготовлен достаточным образом? Леонтьев отмел это возражение: теоретические предметы он уже все прослушал, на пятом же курсе студенты проходили акушерскую практику, ненужную в его случае (солдаты не рожают!) и стажировались в Екатерининской больнице. Конечно, Леонтьев понимал, что принимать решения самому, без помощи профессоров и опытных врачей, будет тяжело, но зато и научится он быстрее. Он не глуп, он будет стараться, – надо пройти эту школу, чтобы состояться как врач и избавиться от тоски...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.